Королевская магия

Автор:
Марина Эльденберт

Королевская магия

Марина Эльденберт

Тайны Леграссии #2

Запретная магия связала меня с эрцгерцогом Барельвийским, которого я больше не хочу ни видеть, ни знать. У него на этот счет другое мнение – как всегда, но с моим ему отныне придется считаться. Потому что я – единственная прямая наследница, которой в ближайшее время предстоит взойти на престол. Держитесь, ваша светлость. Алисия, принцесса Леграссийская, наступает! Как минимум на ваши начищенные до блеска ботинки в танце. А дальше будет видно!

Продолжение романа «Запретная магия».

Марина Эльденберт

Королевская магия

Пролог

– Девчонка должна умереть! – Глаза женщины метали молнии.

Стоящий напротив нее мужчина оставался спокоен.

– Убить ее сейчас равносильно тому, чтобы признать свое поражение. Особенно когда расследованием занялся Барельвийский. Он не успокоится, пока не вытащит на свет всю правду.

– Этот щенок!

Женщина скривилась. От ее ярости по комнате прокатились волны магии, заискрило золотом.

– Тебе надо успокоиться.

– Не тебе мне приказывать! – она гневно прищурилась.

– Я не приказываю. – Он сцепил пальцы, приблизился к ней. – Подумай сама, что лучше – просто избавиться от нее, или выставить на всеобщее обозрение ее деревенскую природу? Ее неумение держаться в высшем свете? Ее акцент, ее словечки, ее манеры.

– Манеры – дело наживное, – выплюнула женщина. – Если мы подпустим ее к Гориану…

– Если мы подпустим ее к Гориану, все увидят, что она из себя представляет. В том числе он. Неотесанная девица из провинции, которая всеми силами старается дотянуться до того, до чего ей не дотянуться никогда. Которая из кожи вон лезет, чтобы понравиться своему венценосному папаше. А потом…

Мужчина сделал паузу, улыбнулся. Женщина его оптимизма не разделяла, поэтому только нахмурилась и нетерпеливо спросила:

– Что потом?

– Потом она «случайно» его убьет.

Ее глаза расширились. Потом сузились.

– Ты уверен? – жестко спросила она. – Уверен в том, что у тебя получится все это провернуть?

– На сто процентов, любовь моя, – он усмехнулся. – Как и все, что я делал раньше. Мы избавимся от двух львов одной магией. Ты сама понимаешь, что Гориан силен, и именно его сила не позволяет ему сейчас уйти в мир иной. Несмотря на все наши старания. Но ее магия… родственная. Королевская… Его уничтожит.

Женщина снова нахмурилась.

– Это слишком рискованно.

– Не больше, чем убить ее прямо сейчас.

– Хорошо. Что ты предлагаешь?

– Привезем ее сюда. Как можно скорее. Скормим Гориану и Барельвийскому душещипательную историю о том, как ее мать сбежала с ребенком, не поставив никого в известность. Предоставим «доказательства». Потом, когда все расслабятся, мы «найдем» заклинание обмена магией…

– Как ты уже его нашел?

– Это не моя ошибка, – в голосе мужчины за все время промелькнуло раздражение. – Алая схема была рабочая, она действительно должна была опустошить и убить Барельвийского и новый сосуд, но эта девчонка случайно оказалась рядом с ним.

– Мне интересно, как она вообще выжила, – саркастически произнесла женщина. – Приказ был найти и убить и ее, и мать.

– С этим я тоже разберусь.

– Хотелось бы верить. И очень не хотелось бы в тебе разочаровываться. Снова.

Женщина отвернулась, чтобы уйти, но он перехватил ее за локоть.

– Оставь свои королевские замашки для остальных, – жестко произнес он. – Я по-прежнему твой единственный союзник. Не забывай это.

Она смерила его взглядом свысока.

– А я – по-прежнему твоя королева, – ответила ему в тон, – и только потом – все остальное. Не забывай это.

Она вышла, оставив его одного в сверкающем роскошью зале. Мужчина сжал зубы, еле слышно выругался и направился к ведущим в анфиладу дверям.

Глава 1

Алисия

До Гриза оставалось ехать около часа. Железную дорогу построили вдоль моря, поэтому я сидела, уставившись на бесконечную синюю гладь, залитую солнцем. Изредка прокатываясь по ней взглядом до берега, на который обрушивалась белоснежная пена, и с волной уходя обратно. Туда, где небо сливается с горизонтом.

Когда я уезжала, было пасмурно, а море больше напоминало жидкий металл, вспоротый бурунами плавления. Правда, тогда никакой пасмурный день не мог испортить мне настроения, сейчас же никакой солнечный не мог его наладить. Очевидно, это чувствовали все, потому что Эдер вздыхал, а Зигвальд шуршал. Газетой. Хотя я не уверена, что точно определила, кто и что делал.

– Алисия, не все так страшно.

По крайней мере, в этом я точно могла быть уверена: говорил Зигвальд. Или нет?

Ненавижу магию!

Я обернулась, чтобы посмотреть на своего спутника – он и правда держал в руках газету, но смотрел прямо на меня. Эдер тоже смотрел на меня и занимал половину купе. Как сказал Зигвальд в самом начале, нам повезло, что он еще не до конца вырос и сейчас больше напоминал очень крупного пса, чем льва.

Еще нам очень повезло, что мы покинули Барельвицу: благодаря тому, что не поехали на вокзал в столице, а Зигвальд не стал брать свой мобильез. Наемный экипаж отвез нас до небольшой станции той же ночью, и уже там мы сели на поезд, потому что иначе его светлость, чтоб ему провалиться, королевский особун точно бы нас нашел.

И опять началось бы: «Ты моя, Алисия, я никуда тебя не отпущу, будь моей арэнэ, я куплю тебе титул и буду приезжать в свободное от жены и политики время».

Ненавижу Райнхарта!

– Все совсем не страшно, – подтвердила я.

– Тогда почему у вас такое лицо?

– Какое?

– Скажем так, если бы я описывал вас в сочинении для гувернера, я бы назвал вас грозовой тучкой.

– Не всем и не всегда быть солнышками, ваша светлость.

– Можно просто Зигвальд, я уже говорил, – он отложил газету на мягкий диванчик, на котором сидел.

– Хорошо, – сдалась я. – Просто Зигвальд.

Его белосветлость улыбнулся краешком губ. У него это получалось крайне занимательно: не поймешь, то ли тебя одобряют, то ли над тобой смеются. Но за то время, что мы ехали в Гриз (почти двое суток) я успела узнать, что Зигвальд в принципе так выражает свои эмоции. Крайне безэмоционально.

В любом случае, называть его официально не имело смысла. У нас хоть и были разные купе, дверь между ними все равно была, большую часть времени Зигвальд проводил у меня, чтобы я случайно не загорелась и не подожгла поезд.

Загораться мне не хотелось, поэтому я не возражала.

– Не хотите убрать Эдера? Нам скоро выходить.

– Не хочу. Пусть полежит пока.

Тем более что Эдер с каждым днем (или, правильнее будет сказать, с каждой минутой) убирался все сложнее. Такое ощущение, что, обретя материальную форму, лев потерял часть своих маджерских свойств. Вчера, например, я с трудом заставила его исчезнуть, когда нам принесли ужин. В итоге проторчавший минут пять под дверью проводник Пресветлый знает что подумал о том, чем мы тут занимались.

А мы, между прочим, маджера убирали.

Который не хотел убираться.

– Ладно, – миролюбиво согласился Зигвальд, который в отличие от своего брата почти во всем со мной соглашался. – Пока мы не приехали, нам надо продумать легенду.

– Легенду?

– Для вашей мамы. Как вы меня представите?

– Как брата… – вот тут я основательно призадумалась.

Как брата своего фиктивного жениха, с которым я совсем не фиктивно провела ночь? Если быть честной, ночь я с ним, конечно, не проводила, так, полчаса. Потом его королевское особунейшество бодро натянул штаны и, как истинный серан, шустро ускакал решать политические дела, связанные с покушением на ее величество.

– Как брата?.. – полюбопытствовал Зигвальд.

– Вы что, правда собираетесь со мной к моей маме? – сердито спросила я.

– Нет, я остановлюсь в одной из ваших чудесных здравниц. Поправить здоровье, нервы и выгулять маджеров на морском воздухе, чтобы росли, как ваш Эдер.

Я скептически на него покосилась.

– Бросьте, Алисия. У вас нестабильная магия, с которой вы не умеете управляться. Вы же не хотите спалить себя и маму?

Маму я спалить точно не хотела. Если честно, я никого не хотела палить, я вообще этой магии не хотела! Но так получилось, что она у меня есть. У меня – магия эрцгерцога Серана Особунейшего, у него – моя.

– А если мне ее запечатать?

Зигвальд очень серьезно на меня посмотрел.

– Вы же это несерьезно, Алисия? Даже если представить, что у вас была бы ваша личная магия, это слишком жестоко.

За время нашего путешествия я успела все ему рассказать. И о том, что случилось, когда мы с Райнхартом попали под действие алой схемы – как его магия перешла ко мне, и о том, что изначально считали, что магии у меня нет, а потом она возникла у Райнхарта.

– По отношению к кому?

– По отношению к вам. Процесс наложения печати очень болезненный, а во взрослом возрасте – тем более.

– Я ее не хочу, – сказала я. – Магию.

– Я, может, тоже не хочу, чтобы у меня были белые волосы. Тем не менее они белые.

– А вы не хотите?

Зигвальд прищурился.

– Алисия, это было философское замечание. Я к тому, что ничего нам просто так не дается, и, если что-то у нас есть, это стоит прежде всего изучить, а только после отказываться. Честно говоря, я вообще не уверен, что вас можно запечатать. Повторно. Если ваша магия сорвала печать… Словом, пока нам рано углубляться в такие дебри.

– А в какие дебри не рано?

– Мы как раз на них остановились. Легенда.

Ах, да. Легенда.

– Я могу сказать, что вы просто вызвались меня сопроводить, чтобы я не ехала одна из столицы. Расскажу о своей магии, и…

Зигвальд зевнул. Совершенно не стесняясь и даже ладонью рот не прикрыл. От такого я чуть свой не открыла, поскольку видеть этого выхоленного аристократа зевающим как Эдер было слишком даже для меня.

– Вот сейчас мне не верится, что вы драматург, – произнес его белосветлость. – Притом даже начинающий. Вам самой не скучно? «Вы просто вызвались сопроводить меня, чтобы я не ехала одна из столицы…» Бе.

Зигвальд так натурально скривился, что я сложила руки на груди.

– И что вы мне предлагаете? – поинтересовалась я.

– Вообще-то пьесы здесь пишете вы. Но поскольку у вас творческий… как это сейчас модно называть – кризис? Так вот, поскольку у вас он, так и быть. Я предлагаю вам представить меня как вашего будущего мужа.

Невероятно! У них, в смысле в семье эрцгерцогов Барельвийских традиция, что ли, такая? Найти себе девушку, которую можно представить как фиктивную невесту, чтобы… чтобы – что?

– Вам-то это зачем? – интересуюсь я, и сарказма в моем голосе сейчас чуть ли не больше, чем во всем Зигвальде вместе взятом.

– Потому что я хочу на вас жениться, Алисия.

Во мне кончаются слова.

– Зачем?!

– Да, с фантазией у вас сейчас явно какие-то сложности. Зачем мужчина женится на женщине?

– Раньше я бы сказала по любви, но потом пообщалась с вашим братом.

Вот честно, не хотела я этого говорить, само собой вырвалось. Зигвальд тут же слегка помрачнел. Выражаясь его словами, если бы я писала сочинение для гувернантки (или пьесу) это звучало бы так: среди морозного дня внезапно надвинулись тучи, и закрутился густой снежный буран.

– Вашей матери потребуются объяснения, кто я такой, – произнес его белосветлость. – Не только вашей матери, всем, когда мы вместе сойдем с поезда. На секундочку…

Он достал из нагрудного кармана часы на цепочке.

– До этого великолепного момента осталось всего двадцать пять минут. Поэтому я не вижу причин изобретать паровоз, и, поскольку мы на нем уже едем, предлагаю себя в качестве вашего будущего возможного мужа для общества. С остальным разберемся на месте.

Прозвучало это довольно сухо. Не знай я Зигвальда, решила бы, что он на что-то обиделся.

Двадцать пять минут. Двадцать пять минут – и мы в Гризе!

Это не Барельвица, это город, в котором все друг друга знают. Хотя бы заочно. Это небольшой уютный южный мирок, где можно оказаться на незнакомой улице, но обязательно встретить кого-нибудь знакомого, или того, кто знает твоего знакомого и тебя, хотя ты даже об этом не знаешь.

Да, Зигвальд прав.

Нам нужна легенда, и чем быстрее, тем лучше.

Что же, один будущий муж у меня был, а где один, там и два. Я несостоявшаяся будущая двоемужница.

– Хорошо, – говорю я. – Пусть будет так.

– Вот и чудесно.

Его белосветлость подтягивает к себе газету и больше на меня не смотрит, как будто на меня снова упала схема невидимости. Что касается Эдера, тот задирает голову и урчит.

– Давай-ка тебя уберем, дружок, – сообщаю я льву, опускаясь рядом с ним.

Потому что, Пресветлый с ним, пусть по Гризу разнесутся новости, что Алисия Армсвилл приехала с женихом, но если это будут новости, что я приехала с женихом и со львом, боюсь, я этого не переживу. В смысле, даже моя фантазия драматурга этого не переживет. Мне и так еще кучу всего придумывать и молчать о том, о чем на самом деле хочется поговорить.

– Р-р-р-р! – выразительно сказал маджер.

Я прикрыла глаза, пытаясь почувствовать себя в безопасности. Открыла.

Лев никуда не исчез.

– Не получается? – саркастично осведомился Зигвальд.

– Могли бы и помочь, – заметила я. – Вместо того, чтобы просто смотреть.

– Милая моя Алисия, в том, чтобы просто смотреть, есть своя особая прелесть.

Почему-то Зигвальд произнес это так, что я слегка покраснела.

– И в чем же она заключается?

– Вы так забавно хмуритесь, когда у вас не выходит. У вас появляется такая крохотная морщинка между бровей… – Он сдвинул пальцы возле своей переносицы. – Очень милая.

На мгновение показалось, что Зигвальд сейчас сам зажмурится, как довольный кот. У него и движения были кошачьи, такие плавные, тягучие, как у хищника, который лениво развалился на солнышке и пока не собирается на охоту. Если бы при этом он еще так откровенно не смотрел мне в глаза!

– Значит, не будете помогать?

Зигвальд вздохнул. Потянулся за графином, плеснул прямо на столик, и по воде начертил схему, которая вспыхнула оранжевым. От нее повеяло теплом, спокойствием, умиротворением. Мне стало настолько уютно, что даже начало клонить в сон. Я потянулась к Эдеру, но ткнулась пальцами в пол. Лев исчез, а я чувствовала себя так спокойно, как раньше бывало только в детстве.

– Почему вы не сделали так в прошлый раз? – изумилась я.

– Потому что за вами очень интересно наблюдать. И еще немного потому, что это – кратковременное, но очень сильное вмешательство в ваше настроение. Я бы его тоже отнес к запрещенным манипуляциям, но я пока безмерно далек от бюрократии.

– Пока?

– Кто знает, как жизнь повернется, – философски заметил Зигвальд. – Может статься, я постарею и буду просиживать брюки где-нибудь на государственной службе от нечего делать.

– С вашим происхождением вовсе необязательно просиживать брюки где бы то ни было, – я поднялась, расправила платье.

– Происхождение определяет далеко не все, моя дорогая Алисия.

Зигвальд снова закрылся газетой и своей привычной безэмоциональной маской, а дорога тем временем ушла от моря, поезд шустро проскочил выбитый магией в скале тоннель, и впереди замелькали домики северной части Гриза. Все они здесь были одноэтажные, аккуратные, разноцветные. Объединяла их разве что красная черепица, придающая этому району характерный только для него облик. Маленькие узкие улочки извивались между домами и вдоль обрыва спускались к морю. Каждая своей змейкой: какая-то подлиннее, какая-то покороче.

– Ваша светлость! Эри. – Проводник за дверью сначала обозначил свое присутствие и только затем постучал. – Скоро прибываем.

– Хорошо, – ответил Зигвальд.

А я поняла, что мне страшно. Страшно снова оказаться в городе, где прошло мое детство, где я жила всю свою жизнь. Потому что я должна спросить у мамы о своем происхождении и о том, откуда у меня магия. Потому что я до безумия боюсь того, что она может ответить.

Глава 2

Поезд потихоньку стал замедляться. Мы снова выехали из города и покатились вдоль леса, уже раскрывшегося сочной весенней зеленью. За лесом возвышались пики гор, и в отличие от низины, они были еще покрыты снегами.

– Миленько у вас здесь, – изрек Зигвальд, почему-то глядя в упор на меня. Как будто за все «миленько» Гриза отвечала лично я.

– Да, здесь красиво.

– Здесь красиво? Здесь очень красиво, Алисия.

– Это вы еще не видели Синуанские водопады. Через пару месяцев будет не протолкнуться, а когда нет большого наплыва приезжих, очень уединенное и невероятно прекрасное место. В детстве я часто убегала туда, когда хотела побыть одна и подумать над сюжетом…

Я осеклась, понимая, что слишком много говорю.

– Почему вы замолчали? – Зигвальд смотрел на меня с искренним любопытством. – Продолжайте. Мне интересно знать о вас все.

– Не думаю, что это уместно.

– Как будущему мужу – вполне.

Я вздохнула.

– Зигвальд, это просто легенда. В которой я, говоря откровенно, совсем не уверена.

– Из-за моего брата? – Его взгляд потемнел, насколько могут потемнеть рубины.

– Из-за себя. Вся моя жизнь перевернулась с ног на голову, у меня появился магический лев, чужая магия, а моя магия временно у вашего брата, но я даже понятия не имею, откуда она во мне взялась. Мне это предстоит узнать в самое ближайшее время, но я боюсь. Боюсь спрашивать у мамы хотя бы что-то, вы понимаете?

– Почему?

Готовая уже продолжать, я осеклась.

– Что – почему?

– Почему вы боитесь спрашивать? Правда – это всегда хорошо, Алисия. И никогда не страшно.

С этим я бы поспорила, но у меня не осталось сил. Поэтому я просто подняла руки, сдаваясь. Говорить Зигвальду о том, что я согласилась на его легенду, потому что мне все равно, было бы совсем отвратительно, поэтому я просто потянулась за саквояжем… и вспомнила, что его у меня нет. У Зигвальда хотя бы был. Небольшой.

– Скажем, что вас ограбили.

Он что, мысли мои читает?

– Хорошо хоть, что не пострадал при пожаре.

– Что?

Я махнула рукой.

– Не берите в голову.

Помимо львов, перевернувшейся с ног на голову жизни и прочего, у меня в жизни еще случилась первая ночь, о которой я отчаянно хотела забыть. Так отчаянно, что забыла у Райнхарта свою пьесу. Хотя ей с самого начала не везло.

– Алисия, – Зигвальд постучал тростью по диванчику рядом со мной, – не время впадать в уныние. Что бы там ни натворил мой брат…

– Ничего он не натворил, – поспешно сказала я. Пожалуй, слишком поспешно. – Но я не могу представляться вашей невестой.

– Не можете или не хотите?

Я подняла голову.

– Помните, когда мы уезжали? Вы сказали, что будете сопровождать меня как мой деверь. Что изменилось сейчас?

– Я узнал вас еще лучше и понял, что для моего брата вы слишком хороши. Вы слишком живая, Алисия, в вас столько чувств и огня… словом, я всерьез предлагаю вам руку и сердце. Хотя это и выглядит странно.

– Да, странно – это не то слово.

Зигвальд улыбнулся.

– Но, если вы против, я назовусь вашим деверем.

– Правда? – недоверчиво спросила я.

– Правда. Я поехал с вами, чтобы вам помочь, а не для того, чтобы создавать лишние волнения.

Я так привыкла к приказному тону Барельвийских и их специфическим методам решения спорных ситуаций, что сейчас просто не сразу нашлась с ответом. А ответ нашелся, поезд окончательно сбавил ход, дернулся и остановился.

В коридоре зашумели.

– Вас тоже интересует, кто все эти люди, которые так спешат покинуть купе, что толпятся в коридорах?

Я улыбнулась.

– Они просто торопятся.

– Куда можно торопиться в Гризе?

Хорошо, это уже куда больше похоже на Барельвийских.

– Например, к родным и друзьям, по которым соскучились. К любимым. К детям и родителям.

Зигвальд свернул газету и убрал ее на полку.

– Все-таки я в вас не ошибся, Алисия. Вы неисправимо романтичны. Тоже скучали по родным?

– По маме. Отца я не знала.

– По маме.

– Да. Я очень хочу ее увидеть, но…

– Но вы боитесь.

– Да.

– Не бойтесь. Я буду с вами, что бы ни произошло. – Он поднялся: стремительно. Помог накинуть мне на плечи накидку, легко подхватил свой саквояж и открыл дверь. – Вперед. Нас ждет Гриз и ваша совсем не страшная мама.

Зигвальд пропустил меня вперед, потому что в коридоре поезда под ручку ходить было нереально. Несмотря на лучший вагон, на полировку стен, позолоту схемиальных светильников и даже картины, вдвоем мы бы застряли, как Эдер в дверях. Я готовилась спрыгнуть с лесенки, но Зигвальд меня перехватил. То есть удержал, спустился первым и подал мне руку.

– Все-таки вы немного дикарка, Алисия, – сказал он, когда мы попрощались с проводником и пошли по перрону. – Куда теперь?

Перрон в Гризе был простенький, к тому же, один. Не то, что в Барельвице, где при незнании можно запутаться, куда вообще идти. Этот вел к старенькому зданию вокзала, знаменитого огромными витражными окнами и куполообразной крышей, правда, тоже покрытой красной черепицей.

– Сейчас выйдем на площадь, и нужно будет взять экипаж, – сказала я. – Мы живем не в черте города. Чуть… подальше.

– Чуть?

– Чуть.

Я написала это в своей пьесе. То есть не это, разумеется, просто героиня у меня тоже жила за городом и водила мобильез. Основное отличие между моей историей и историей Сесси была в том, что они с мамой изначально жили на ферме и занимались лошадьми. А мы с мамой переехали, потому что случился холодный год, начались перебои с цветами, и эрина Раллберг уже не могла мне платить так много. Через какое-то время мы с мамой сели поговорить о судьбе моих оставшихся не сильно больших сбережений, и она поддержала меня в том, что я должна ехать в Барельвицу.

– На сколько нам их еще хватит? Ну месяца на два. Может быть, на три, – сказала она. – А так ты осуществишь свою мечту.

Несмотря на то, что мама не всегда меня понимала, она всегда в меня верила. Даже когда я не верила в себя сама.

– У тебя все получится, Алисия, – говорила она, когда я приходила из цветочной лавки и бросалась писать.

Даже не представляю, как ей сказать, что у меня ничегошеньки не получилось. Пьеса в Барельвице, несколько раз горелая и побывавшая в Тайной канцелярии, руках эрцгерцога и его сестры (непонятно, что хуже), а я здесь. В одном-единственном новом платье и новой накидке.

Зато с магией.

На небольшой залитой солнцем площади, где я чуть не оставила в щербатом камне каблук, мы быстро поймали экипаж. Ошалевший от щедрости Зигвальда извозчик рассыпался в благодарностях и чуть ли не пылинки с нас сдувал. В Гризе экипажи были попроще: во-первых, таким как в Барельвице просто негде было пройти, а во-вторых, здесь действительно были очень красивые места, и

крышу с полотняными боками на экипажи натягивали только во время дождей. Поэтому пока мы ехали, извозчик нам рассказал чуть ли не про все достопримечательности, где обязательно стоит побывать и что посмотреть.

Солнце припекало так, что я даже сняла накидку, а, слушая об известных мне с детства местах, провалилась в собственные мысли. Запоздало подумала о том, что на перроне и в здании вокзала даже не смотрела по сторонам, так что не могла сказать, видел ли меня вообще кто-то.

Меня. Нас.

– Место, конечно, не в центре города, – продолжал бормотать извозчик. – Уж не знаю, почему вы там решили остановиться, но до Синуанских водопадов там рукой подать. Прогуляться, воздухом подышать полной грудью… м-м-м-м… красота!

В подтверждение своих слов он глубоко вдохнул.

Миновав несколько домиков, спрятанных от посторонних глаз за лесом, мы выкатились по изгибающейся дороге к нашему.

– Ну-с, приехали! Благодарю, ваша светлость! Леви!

Я чуть не улетела с подножки, услышав обращение в свой адрес. Не улетела, потому что рядом был Зигвальд, который снова меня поддержал, а следом услышала грозный голос мамы:

– Алисия?! Кто этот мужчина?!

Выглядела мама тоже очень грозно: она стояла, сдвинув брови, сложив руки на груди, и смотрела на меня в упор.

– Мой будущий муж.

Вообще-то я собиралась сказать совершенно другое. Я собиралась сказать, что этот мужчина меня увез из столицы, потому что я попала в неприятнейшую ситуацию, и что он помог мне, когда я осталась одна, но сказала то, что сказала.

Мама открыла рот. Закрыла.

Глаза у нее стали как первые галлиры – круглые и очень большие, и у меня по ощущениям тоже. Положение спас Зигвальд: поставив саквояж на землю, он шагнул к моей маме с самой милой улыбкой, которую только мог изобразить. Взял ее руку в свою и со словами:

– Безумно рад нашему знакомству, эрина Армсвилл, – поцеловал.

Я обернулась на извозчика, как будто он мог мне помочь и все исправить, но извозчик просто наслаждался картиной. Увы, не пейзажей, мне же он подмигнул и поднял вверх большой палец.

– Поздравляю, леви!

В этот момент на него обернулся уже Зигвальд:

– Мы вам очень благодарны, Ричард. Счастливой дороги.

– Да, конечно! – Ричард подхватил вожжи, повозка заскрипела колесами по земле.

Я, если честно, упустила момент, когда извозчик с Зигвальдом успели познакомиться: видимо, когда я стояла на площади, оглушенная прибытием, а они договаривались о цене. Тем не менее сейчас у меня были проблемы поважнее – например, как сказать маме, что я сказала не то.

– Что же мы стоим! – воскликнула она. – Заходите в дом. Я накрою на стол, или сначала покажу вам комнату… Вам придется спать в комнате Алисии, а дочь я заберу к себе. У нас не так много спален.

Последнее мама произнесла немного извиняющимся тоном. С Зигвальдом они еще не успели толком познакомиться, но, судя по всему, в нем безошибочно угадывался аристократ. Или она просто услышала, что сказал извозчик?

– Алисия, дорогая, – мама шагнула ко мне и порывисто меня обняла.

Потом смущенно отстранилась, и, явно испытывая неловкость, указала на распахнутую дверь.

– Прошу, проходите.

Я была не в себе. Я определенно была не в себе, когда это сказала, и еще больше я чувствовала себя не в себе сейчас. Поэтому просто приняла руку Зигвальда, шагнула за ним в дом, а следом за нами уже спешила мама.

– Слуг у нас нет, мы все сами, – забормотала она. – Поэтому располагайтесь вот тут, в гостиной, а я сейчас…

– Эри Армсвилл, – Зигвальд мягко ее прервал, – я высоко ценю ваше гостеприимство, но я из тех, кто в состоянии самостоятельно застелить себе постель и сделать все, что позволяет сделать наличие двух рук и разума. Поэтому я буду благодарен, если вы просто покажете мне, где я могу оставить свои вещи и привести себя в порядок.

– Ох, – мама всплеснула руками. – Да, конечно. Пойдемте.

Поскольку я все еще пребывала не в себе, мне оставалось смотреть, как мама и подмигнувший мне Зигвальд скрываются на второй половине дома. Если так можно выразиться. Домик на самом деле был миниатюрный: две спальни, мамина и моя, небольшая ванная комната с умывальником и поливочной схемой, которая все время ломалась, из-за чего шла то очень холодная, то очень горячая вода. И место, где, собственно, осталась я – кухня и по совместительству гостиная-столовая.

Для привыкшего к совершенно другим интерьерам и масштабам Зигвальда, наверное, это было примерно то же самое, как если бы я зашла в дощатую сувенирную лавочку, которыми пестрели улицы Гриза, и в которой помимо сувениров и владельца не мог поместиться никто, и осталась там жить.

Пресветлый! Что я наделала?!

На этой безумной мысли меня и застала мама.

– Алисия! А где твои вещи? – Она выглядела взволнованной, но улыбалась.

– Я их забыла.

Вот, даже не солгала.

– Забыла?! Как же так?

– Очень торопилась на поезд.

– Ох, узнаю свою девочку. Вечно все теряет. Вечно витает в облаках. Но… его светлость?! Алисия, как вы познакомились?

– Прошу прощения, – к нам вышел Зигвальд, чем снова меня спас. – Алисия, должно быть, сильно устала с дороги. Ты хочешь есть, огонек мой?

«Огонек» меня просто добил.

– Прошу прощения, – это сказала уже я и убежала в спальню.

В мамину, потому что мою занимал Зигвальд, а оказавшись в маминой комнате, поняла, что совершенно не знаю, что мне делать. Я думала приехать, закрыться у себя, прорыдаться и начать все заново – в Гризе, в цветочной лавке, с новой пьесой, но у меня осталась только мамина комната, в которой рыдать не рекомендуется – сразу начнутся вопросы.

Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое.

Чтобы я могла как следует подумать о Райнхарте, чтобы потом больше о нем не думать. Совсем. А получилось…

Я подошла к приоткрытому окну. Оттуда тянуло свежестью и теплом, характерным даже для ранней весны. Сколько себя помню, я привыкла просыпаться от этой волшебной свежести, от громкого пения птиц – в Гризе поющих птиц было много и в городе, от ощущения солнечного нового дня. Мне казалось, стоило мне вернуться – и все вернется, но вот я вернулась – и все по-другому.

Как так может быть?

И почему до сих пор так больно?

Прислонившись лбом к стеклу закрытой рамы, как делала в детстве, я смотрела на бегущую вдоль поля дорожку. Мамина спальня выходила сразу на две стороны. С одной – на виднеющийся вдалеке лес и деревья, наклонившиеся к нашему дому так, что тень была даже когда ярко светило солнце, с другой – на дорогу. В моей комнате окна тоже выходили на дорогу, и, когда я уезжала или когда возвращалась, я смотрела на них из повозки и думала об уюте. О том, что это мой дом.

Когда мой дом перестал быть моим домом? И почему?

В дверь тихонечко постучали.

– Да?

Я обернулась на скрип. Мама вошла и осторожно прикрыла ее.

– Солнышко, прости меня. Я даже не подумала, что ты можешь устать с дороги… Но такие новости, сама понимаешь. Я просто не могу с ними справиться.

– Все хорошо, мам. Сейчас я к вам выйду.

– Лучше отдохни и переоденься. Я принесу твое домашнее платье, и, если хочешь, можешь немного прилечь перед ужином. Прости, я так волнуюсь, мне давно не приходилось общаться с его светлостями.

Я моргнула:

– Что?

– Что?

– Ты сказала – давно не приходилось общаться с его светлостями, мам.

Мама покраснела. Потом слегка побледнела.

– Я просто оговорилась, солнышко.

Или не просто. Мне стоило продолжить наш разговор, спросить ее, где она на самом деле общалась с их светлостями и когда, но я поняла, что у меня просто не осталось сил.

– Я принесу тебе твое платье, – поспешно сказала она, – и нижнее для сна. Если захочешь прилечь.

Вышла она очень быстро, а я опустилась в кресло и закусила губу. Стоит ли удивляться, что в моей жизни сейчас столько лжи, если вся моя жизнь – ложь? Мама говорила, что отец умер, когда я была совсем маленькой, но что, если это не так? Что, если он какой-то знатный аристократ, а она… кем она была для него?

Все, не хочу больше об этом думать.

Просто не хочу.

Мама действительно принесла мои вещи, но надолго у меня не задержалась под предлогом того, что оставлять гостя одного неприлично. Что касается меня, я с наслаждением избавилась от корсета, от верхнего платья, от всей красоты, что шила эрина Нерелль с помощницами, и постояла под бодрящей холодно-горячей водой. После чего, насухо растеревшись полотенцем, надела сорочку и нырнула под старенькое потрепанное покрывало.

Я думала, что чуть-чуть полежу, прислушиваясь к голосам Зигвальда и мамы, доносящимся из-за двери: тихим – слов не разобрать, убаюкивающим, а после оденусь и выйду к ужину.

Эта мысль и стала последней в моей голове, я снова открыла глаза только утром. На второй половине кровати спала мама, за окнами потихоньку начинало светлеть.

Я полежала, прислушиваясь к глухому биению сердца, гулкому, ровному. Попыталась почувствовать магию или Эдера, но услышала только тишину. Попыталась почувствовать себя, и на глаза все-таки навернулись слезы.

Выскользнув из-под одеяла, я осторожно, стараясь не шуметь, переоделась в домашнее платье. Подхватила лежащую на кресле накидку, обулась и выскользнула из дома. Прохладное утро попыталось кусаться, но после Барельвийской погоды тут же смущенно отступило.

Чтобы попасть на Синуанские водопады, сразу за поворотом нужно было свернуть к лесу. Потом – по знакомой тропке, по которой я бегала сотни раз, хоть мама и ругалась, когда я уходила одна – до подъема на возвышенность. Там даже сделали лесенку и ступени для приезжих, в детстве я предпочитала карабкаться по склонам сама, но сейчас подумала, что лесенка мне пригодится.

Я шла, ускоряя шаг, все быстрее и быстрее.

Туда, где всегда чувствовала себя свободной. Туда, где отступали все невзгоды, а мир раскрывался яркими вдохновляющими красками. Туда, где встретить рассвет – все равно что встретить Пресветлого.

Я так торопилась, что даже не сразу услышала треск веток за спиной. Когда услышала – обернулась. Наткнулась взглядом на наступающего на меня волка. Ойкнула, шарахнулась назад. Нога подвернулась, я вскрикнула и кубарем покатилась с горки.

Глава 3

Райнхарт

План был простым и одновременно гениальным. Мне казалось, лучше я бы не придумал. С тех пор, как агенты Тайной канцелярии сообщили, что Зигвальд и Алисия сели на поезд, идущий в южном направлении.

– Они могут отправиться, куда угодно, – сказал Кир.

– Нет, не куда угодно. Алисия едет домой.

Я это знал. Я был в этом уверен. Моя интуиция кричала о том, что она возвращается в Гриз. Убегает от всего, что между нами произошло. Убегает от меня.

– Следующий поезд вечером.

– Не подходит.

Мне нужно было оказаться там раньше них. Застать их врасплох. Напасть первым, прежде чем напасть в роли Зига заманит в ловушку мою Алисию. Себ говорил, что после того, как мы вместе с ней создали золотую схему и спасли королеву, некоторые быстро догадаются о происхождении моей принцессы. Зигвальд достаточно умен, чтобы войти в число догадливых. Потому что он тот еще гад!

Значит, срочно в Гриз! Срочно простой план!

И сделать это можно было только обогнав поезд на мобильезе. По моим подсчетам на это должно было уйти чуть больше суток. Если гнать машину без остановки, а с бушующей во мне королевской магией это более чем возможно, то в городке Алисии я оказался бы задолго до того, как до него доберутся они. Но Пресветлый, видимо, решил посмеяться.

Потому что в своем простом плане я не учел одно невероятно простое явление. Дождь, заставший меня возле городишки под названием Притара. По крайней мере, это утверждал хозяин гостевого дома и таверны, куда я зашел, когда понял, что грязевые ямы, из которых я выбирался с помощью магических схем, превратились в озера, и дальше можно двигаться только вплавь. Что для мобильеза было невозможно.

На мой вопрос: «Где дорога?», он флегматично ответил:

– Так размыло, лев. Весна же. В наших местах традиционно каждый год льет как из ведра. Зато всегда урожай отличный.

Лило за окном действительно так, что пришлось раскрывать над собой огненную защитную схему, пока добирался до таверны. С ней капли сгорали еще в воздухе, иначе бы за минуту промок до нитки. Не говоря уже о том, что я активировал поисковую схему: из-за плотной стены дождя сложно было рассмотреть домики Притары. Жителей которой ужасная погода, кажется, совсем не пугала. В таверне почти все столики были заняты, поэтому мне пришлось расположиться за стойкой.

– Как скоро дождь закончится? – поинтересовался я, заказав крепкий фарх. Несколько часов форы у меня есть.

– Так недельки через две все и прекратится.

– Две недели?!

– Раньше никак, лев.

– Ваша светлость, – поправил его я.

– Как скажете.

– Это лучше вы скажите, как мне попасть в Апрум. Сегодня.

Хозяин таверны почесал лысую голову и задумался.

– Экипажем никак, лев.

– Он прав, ваша светлость, – вклинился в наш разговор невысокий рыжий парень, что отлип от компании, празднующей что-то за ближайшим столиком. – В Апрум сейчас только по реке и можно добраться. У меня есть лодка, и за хорошую плату мы с братом можем вас туда доставить.

Брат – это очевидно тот не слишком трезвый седой тип. Впрочем, схему мгновенной трезвости никто не отменял.

– Сколько? – холодно спрашиваю я.

– Сотня галлиров.

Ерунда какая! За встречу со своей принцессой я готов отдать и тысячу. Но если соглашусь сразу, обнаглеют. Увидели аристократа и решили, что я не умею считать.

– Вы что, меня вокруг света катать будете? Двадцать, не больше.

Трезвый брат теряется, оглядывается на празднующего.

– Пятьдесят. Время дождей все-таки.

– Тридцать.

– Сорок и по рукам, – вставляет заплетающимся языком седой, – иначе не поплывем.

– И в лодке место только для вас, ваша светлость!

Очевидно, никто не верит, что герцог, а в моем случае эрцгерцог, путешествует один. Я же даже сменной одежды не взял. Зачем, если я не собираюсь оставаться в Гризе. Сразу заберу Алисию в Барельвицу!

Алисия…

Мы расстались не слишком хорошо. Если не сказать – совсем нехорошо. Стоило об этом вспомнить, что-то болезненно кололо у меня в груди. Неожиданно и неприятно. Ново для меня. Как и вспоминать о том, что сейчас рядом с ней Зигвальд. Что, если брат на одной стороне с заговорщиками, что стремятся убрать престолонаследников? Зачем еще ему понадобилось забирать Алисию из столицы туда, где она беззащитна? Эдер – могущественный защитник, но даже он смертен. Зиг может навредить моей принцессе или даже хуже – еще больше настроить против меня.

В таких мрачных мыслях я заплатил за переправу, начертил парочку защитных схем на мобильезе и «взошел на борт» хлипкой посудины, часть которой была затянута брезентом.

– Вы же маг? – поинтересовался у меня рыжий. – Сможете поставить защиту от дождя?

Я приподнял бровь:

– И за это я плачу?

– Лев сам себе хозяин, – пожал он плечами, а я, конечно, же забрался под навес и начертил на лодке схему, которая вспыхнула огнем, вырвалась на свободу и раскрыла над нами теплый купол.

Я подумал, что с силой Алисии, я могу попробовать остановить дождь, но таких вмешательств природа могла не потерпеть. Одно дело облака разогнать для парада на День Королевской семьи, другое дело – прекратить традиционный ливень, и оставить местных жителей без урожая. Поэтому лодка оставалась лучшим вариантом, доберусь до Апрума и найму или куплю экипаж. Буду в Гризе вовремя. Спасу Алисию от братца, расскажу ей о ее отце, а по возвращению в Барельвицу попрошу ее руки. Я не собирался поддерживать идею Себа о том, что нужно сначала жениться на принцессе, и только после рассказывать, кто она.

Сначала правда, потом свадьба.

И на этот раз не отойду от нее ни на шаг. По крайней мере, до тех пор, пока не переловлю всех заговорщиков.

На этой мысли тучи над моей головой совсем сгустились. Из-за ливня видимость была ужасной, приходилось несколько раз чертить новые схемы, чтобы поддерживать защиту и немного освещать путь, но сейчас стемнело еще сильнее. Будто нас накрыло черным куполом.

Я вскинул голову и присмотревшись понял, что в схеме отпала надобность. Мы вплыли в пещеру. В пещеру, которой точно в моем маршруте не было.

– Что за гъерд? – успел я сказать, прежде чем слева вспыхнула чужая схема, и затылок прошибло болью.

Падая в темноту, успел подумать, что будь у меня маджер, такого бы не произошло. Но маджера со мной не было.

Очнулся я так же резко, и не сказать, что ощущения стали приятнее. Руки и ноги сковало, с места не сдвинуться. Голова отозвалась дикой болью, словно меня со всей силы приложили чем-то тяжелым. Во рту пересохло, глаза слезились, поэтому пришлось долго моргать, прежде чем я рассмотрел, где я и с кем. Где – в большом каменном пузыре, со свисающими с потолка уродливыми буро-зелеными наростами и освещаемом одиноким костром, а вот с кем – это было интереснее. Знакомые мне братья стояли вдали, но помимо них в пещере я с ходу насчитал еще двенадцать вооруженных до зубов человек. Как минимум один из них был обученным магом, который меня оглушил.

– Очнулись, ваша светлость? – интересуется один из бандитов, судя по манере держаться, их главарь.

– То есть вы в курсе, кто я, – голос не слушается, поэтому выходит хрипло, зато зловеще, – и что вам грозит за нападение на мою особу?

Мысленно я проклял свою беспечность. Так стремился успеть к Алисии, что проигнорировал покушения на себя. Тот, кто желал убрать меня с дороги к трону, вполне мог воспользоваться шансом и отправить за мной магов. Выходит, что этот кто-то уже знает про отсутствие у меня маджера?

Впрочем, действие парализующей схемы почти выветрилось, мне нужно всего лишь потянуть время и немного прийти в себя.

– Достаточно того, что вы герцог и богаты. У вас в Апруме есть родственники, готовые хорошо заплатить за вашу жизнь?

М-да.

– Разве вас не отправили меня убить?

Главарь хмурится и оглядывается на тех, кто привел меня в ловушку.

– Вы просто удачно завернули к нам на огонек.

Я расслабляюсь и улавливаю искру на пальцах: силы возвращаются.

– Неудачно. Для всех здесь присутствующих. Все мои родственники в Барельвице.

– Тогда зачем вы направляетесь в Апрум?

– За невестой.

– А вы откровенны.

– Потому что через минуту я собираюсь здесь все разнести.

Они смеются, и я вместе с ними. Недолго. Потому что главарь бросается наземь и чертит схему, но я оказываюсь проворнее: его сдувает волной атаки от моей. Мага впечатывает в противоположную стену с глухим хрустом.

– Покажете, где выход? – поднимаясь, интересуюсь у остальных.

Вместо ответной вежливости меня встречают обнаженными клинками. Снова мелькает мысль, что с маджером все было бы быстрее, а так приходится отбиваться от них воздушными и огненными схемами. Слева, справа, пригнуться, отпрыгнуть. С наслаждением услышать вопль боли. Подхватить меч одного из этих недоделанных предпринимателей! Отбить следующий удар.

У них нет ни мастерства, ни тактики, ни даже ярости, которая говорит во мне. Из-за этого гъердового племени я задерживаюсь к Алисии! Сколько времени прошло? Сколько я был без сознания?

Претемный их побери!

Я наношу удар за ударом, но у них все равно численный перевес. В один миг они просто сжимают меня в кольцо, а я рычу и ударяю схемой, что расходится воздушными волнами, сбивая всех, кто не в эпицентре. Всех бандитов раскидывает, но вместе с ним начинает трясти потолок, и на головы обрушиваются наросты. На все, кроме моей, потому что я успеваю поставить щит.

Впрочем, когда я перепрыгиваю через камни и оказываюсь возле воды, замечаю улепетывающих братьев, которые схватились за весла и гребут к выходу из пещеры. Удачливы, но не сегодня. Не со мной.

Начерченная на воде схема притягивает лодку обратно к берегу. Встретив две пары перепуганных, безумных глаз, запрыгиваю в лодку и говорю:

– Считаю, что вы должны вернуть мне мои галлиры. За плохой сервис.

– Вы не станете нас убивать? – спрашивает седой, который того и гляди сиганет прочь из лодки.

– Нет, если отвезете меня в Апрум как и договаривались.

Сказал и положил на колени прихваченный с собой меч.

До Апрума мы добрались глубокой ночью. Я взошел на причал, а вот мои неудавшиеся похитители поспешили снова отплыть. К счастью для них, вернули они не только сорок галлиров, но и все, что успели стянуть. Золотые карманные часы, кольцо с фамильным гербом Барельвийских. Остальные деньги по их искренним заверениям остались погребены в пещере вместе с бандитами. Но мне было плевать. Я и так потратил уйму времени, но если этот поистине бесценный опыт чему-то меня и научил, так это осторожности.

То есть необходимости путешествовать инкогнито.

Поэтому первое, что я сделал – купил плащ за пару монет у какого-то пьянчуги на пристани, а после в одном из гостевых домов взял обычную одежду среднестатистического горожанина и лошадь. На лошадь ушли почти все деньги, и то пришлось торговаться. Но я не собирался ждать утра и открытия

единственного апрумского филиала Королевского банка.

С мечом, с которым я решил не расставаться, я сам выглядел как головорез. Хотя, наверное, дело было во взгляде. Он сообщал окружающим, что если меня кто-то задержит на минуту или на час, Пресветлый им не поможет. Им вообще никто не поможет.

Вторым моим шагом было то, что нужно было сделать еще в Барельвице – создать маджера. Конечно, я истратил много сил, и вообще это не делалось за одну ночь, но выбора у меня не оставалось. Мне нужна защита и точка. Поэтому, покинув город, я вошел поглубже в лес, начертил схему, которую помнил наизусть и порезал собственную ладонь, запечатывая круг. Для создания маджера нужна была магия и кровь хозяина.

Я представил могущественного хищника, как Эдер, с пышной гривой и с крыльями, но в последний миг в памяти мелькнули прекрасные глаза Алисии. Магия вспыхнула, потекла множеством нитей, стекаясь яркими лучами в центр и создавая прямо из воздуха небольшое существо. Львенка с недоразвитыми крылышками. Сонного и недовольного. Прям как я сейчас.

Не просто львенка. Львицу.

Такого маджера самого нужно было защищать, но попытка все исправить отдалась болью в висках. Я пошатнулся, и если бы не преклонил колено, то просто бы свалился на землю. А так перевел дух, подхватил незаконченное создание, которое от недостатка магии хотело спать и отказывалось выполнять приказ скрыться, и отправился дальше.

На то, чтобы преодолеть Бимирийский лес и Родарийское ущелье, ушла вся ночь и целое утро. Ливни прекратились, и стало проще, заодно теплее. Я проехал мимо Дамара, хотя в тот момент впервые за свое путешествие почувствовал зверский голод и усталость. Магия подпитывала меня, но я снова переоценил свои возможности. Сила Алисия не всегда поддавалась контролю: иногда она била фонтаном, иногда засыпала, как мой новый маджер. И тогда становилось совсем сложно, потому что я засыпал вместе с ней.

С голодом было проще: как и большинство путников, я утолял его в придорожных трактирах. Хотя чем ближе я был к своей цели, тем сильнее

хотелось где-нибудь остановиться, принять ванну, побриться и выспаться. Только непривычный иррациональный страх, что я опоздаю, беспокойство за Алисию, ответственность за мою принцессу заставляли двигаться вперед.

Когда через два дня я достиг Гриза, то выглядел и чувствовал себя не лучше паломников, что преодолевают Святую тропу к Везреским вершинам, где хранится след от стопы Пресветлого. Правда, паломники наверняка были более счастливыми, чем я. Потому что, в отличие от меня, они знали, где след, а мне еще предстояло найти мою Алисию.

И поиски я решил начать с ее дома. Крошечного, затерянного в зелени домика.

Было утро, когда я спешился и постучал в двери, которые открыла невысокая женщина, почему-то шарахнувшаяся от меня в сторону. Возможно, дело было в щетине, а может, в том, что я несколько дней не мылся.

– Эрина Армсвилл? – уточнил я. – Я ищу Алисию Армсвилл. Где она?

Женщина побледнела и схватилась за сердце.

– Что вам от нее нужно?

Значит, Алисия здесь. Уже лучше.

– Я ее жених.

– Этого не может быть! – Теперь она разозлилась и уперла руки в бока, а я опешил.

– Почему?

– Потому что у моей дочери уже есть жених, и это совершенно точно не вы.

Глава 4

Алисия

– Алисия, ты считаешь, что это в порядке вещей?!

– Т-с-с-с!

Я даже не стала оборачиваться, чтобы посмотреть, как выглядит Зигвальд, которому сказали: «Т-с-с-с». Возможно, впервые в жизни, но быть в этом уверенной я не могла. За спиной раздались шаги, его светлость приблизился ко мне и остановился рядом.

– Как это понимать?! – его голос по-прежнему был грозным, но уже чуть смягчился.

– Не надо ничего понимать. Просто посмотри туда.

Мне показалось, что так будет правильно – вытянуть руку и указать в сторону возвышающихся гор, залитых солнечным светом. Поразительный контраст зелени, окружавшей нас, и снега, которому осталось там лежать совсем недолго, был только частью здешней красоты. Синуанские водопады представляли собой каскад из тридцати пяти водопадов, и чудом их называли не просто так. Пробивающиеся сквозь широкую листву лучи заставляли воду сверкать, как бесконечный поток магии – вечной природной магии, сильнее которой нет ничего в мире. Но самое интересное заключалось в том, что с этой точки, на которой я сидела, было видно все тридцать пять. Какие-то получше. Какие-то похуже. Но главный – самый высокий и мощный, отделенный от остальных из-за землетрясения в прошлом веке – напоминал саму первозданную силу воды.

Однажды сюда приезжали странствующие монахи из Светерия, и вся группа стояла под его потоками прямо зимой. Местные даже бегали на них смотреть, и я в их числе. Никто не понимал, зачем они это делают. Я тогда тоже не понимала.

– Значит, для вас в порядке вещей просто убегать посреди ночи в лес?

– Утром, – поправила я и повернулась к устроившемуся рядом Зигвальду.

Его белосветлость выглядел несколько небрежнее, чем обычно. Сразу видно, что собирался быстро: верхняя пуговица жилета оказалась во второй петле, а волосы были в легком беспорядке. Хотя кто бы говорил.

– Что с вами случилось? – нахмурился Зигвальд.

– Пока мы здесь, можно общаться без церемоний, – сказала я, намекая на официальный тон.

– Хорошо. Что случилось с тобой?

– Я решила посмотреть на водопады и пришла сюда.

– Ночью.

– Утром.

– Четыре часа – это глубокая ночь, – Зигвальд отмахнулся. – А это что?

Пальцы легко коснулись моей скулы, которую я поцарапала, когда катилась по веткам.

– С горки упала, ничего страшного.

– Вы упали с горки?!

– Ты.

– Алисия!

– Я увидела волка и оступилась. Говорю же, ничего страшного.

Не считая веточек в волосах и потревоженного Эдера. Который только за пару минут до появления Зигвальда исчез.

Если говорить о Зигвальде, то он смотрел на меня так, будто сомневался в моих умственных способностях.

– Здесь водятся волки, и ты пошла сюда погулять одна?

– Не водятся, – сказала я. – Точнее, раньше не водились. Этот каким-то чудом забежал, наверное, заблудился в горах. По ту сторону ферилесская равнина, она полностью в лесах, и вот там очень много диких зверей.

Волк действительно был одиночкой, когда я весело катилась с горки, а за мной бежал Эдер, он за нами не побежал. Больше того, когда я вытряхнула большую часть веточек и сухой травы из волос и платья и взобралась обратно, волка уже не было, так что ничего страшного не произошло. Зигвальд, кажется, считал иначе, потому что закатил глаза.

– Здесь вообще только змеи водятся, – решила дополнить картину я. – Но я их умею распознавать.

– У меня нет слов.

– Ну и хорошо. Давайте помолчим.

Какое-то время мы и правда молчали. Я продолжала наслаждаться видами просыпающейся природы, безоблачным небом и окутывающим меня теплом, а Зигвальд смотрел на меня. Я это скорее чувствовала, чем видела, и раньше наверняка бы безумно смутилась, но это место было волшебное. Здесь я словно переставала быть собой и становилась кем-то другим, освобождалась от предрассудков, страхов, сомнений и всего, что обязательно вернется, стоит спуститься вниз.

Сейчас же мне в самом деле было до безумия хорошо. Это место исцеляло меня и мое сердце. Слушая шум обрушивающейся вниз воды, временами перерастающей в гул, я дышала полной грудью.

От воздуха начинала кружиться голова, поэтому я просто упала назад, раскинув руки. Зигвальд последовал моему примеру.

– Даже не представляю, как это выглядит со стороны, – пробормотал он.

– Что?

– Кто. Мы.

– Ты выглядишь счастливым.

– Правда? – кажется, он искренне изумился.

– Правда. Как ты меня нашел?

– Ты же сама рассказала про место, куда убегала, когда хотела побыть одна. Когда твоя мама постучалась ко мне и сказала, что ты пропала, я сразу подумал про Синуанские водопады.

Честно, я вообще не думала, что он это запомнил.

– У вас хорошая память, ваша светлость.

– У тебя.

Зигвальд повернулся на бок и снова коснулся моего лица пальцами, а в следующее же мгновение моих губ губами. Пощечина получилась настолько звонкой, что опешили даже поющие птицы, я подскочила с такой ловкостью, какой за собой не подозревала. Зигвальд вскочил следом, на его лице алел отпечаток моей ладони.

– Что вы творите?! – выдохнула я.

– Алисия, я подумал…

– Если бы вы подумали, вы бы не стали меня целовать!

Вспышка золотой магии явила в мир Эдера, который недовольно зарычал и забил хвостом.

– Спокойно! – Зигвальд поднял руки. – Алисия, я просто не так вас понял…

– Теперь бы еще понять, как это понимать мне.

Я икнула. Эдер рыкнул. Зигвальд хрустнул. То есть хрустнуло что-то под его ботинком, когда он повернулся, а следом за ним и я. Чтобы увидеть злющего, как армия Претемного, Райнхарта.

Принесла же нелегкая! Причем судя по его виду, именно нелегкая и принесла, или гъердова армия. Выглядит он так, будто… я даже не представляю, что с ним могло случиться, чтобы Райнхарт выглядел так! Похоже, Зигвальд был прав, и у меня творческий кризис.

Впрочем, творческий кризис на данном этапе моей жизни – меньшее изо всех зол: сейчас на меня надвигается зло посерьезнее. Судя по тому, насколько оно злое, ничего хорошего здесь никого не ждет.

– Я. Задал. Вопрос.

Даже если Его особунейшество извалять в грязи, он все равно останется собой. К счастью, мне вовремя удается понять, что вопрос задан не мне. К несчастью, Зигвальд явно не собирается уступать.

– С какой радости я должен тебе что-то объяснять, братец?

– Возможно потому, что эта женщина, – на меня указывают королевским жестом, даже не сопроводив этот самый жест взглядом, – моя.

– Где это написано?

Райнхарт меняется в лице. Зигвальд ухмыляется. В воздухе начинает искрить магией, я бы сказала даже, она чувствуется как лавина в горах – за пару секунд до того, как сойдет вниз и накроет того или тех, кому «повезло» оказаться у нее на пути.

– Ты считаешь, что это смешно? – Голос Райнхарта падает до угрожающих низин.

– Я считаю, что Алисия, – в отличие от брата, Зигвальд все-таки на меня смотрит, – в здравом уме, чтобы самостоятельно выбирать, где ей находиться, с кем, а заодно и кого выбирать в мужья. Самой. А не по принуждению обстоятельств.

С последним я бы поспорила, но у меня нет на это времени – потому что под пальцами Райнхарта уже рождается магия. Зигвальд явно собирается совершить такую же глупость, поэтому я делаю то, что должна (или то, что первое приходит в голову).

– Эдер!

Лев с рычанием бросается вперед, и его светлостям приходится отскочить друг от друга на приличное расстояние. Конечно, по размерам это еще не совсем лев, но, когда на тебя несется приличной такой массы маджер, оставаться на месте – не лучшее решение.

– Алисия, убери его, – командует Райнхарт.

В самом деле командует. По-другому он не умеет.

– Всенепременно, – складываю руки на груди. – Вот прямо сейчас и начну.

– Ал-л-лисия!

В моем имени нет рычащих, но когда его особунейшество это останавливало? Даже у Эдера на загривке шерсть встает дыбом от его рычания.

– Зигвальд, ты со мной? – интересуюсь я.

Зигвальд приподнимает брови.

– Я считаю, что его светлости эрцгерцогу Барельвийскому стоит немного полюбоваться окрестностями и остыть, прежде чем выходить в люди.

Ну а что? Он может говорить обо мне так, будто меня тут нет, а я не могу?

Зигвальд ухмыляется еще шире, а Райнхарт сильнее хмурится.

– Думаешь, меня остановит твой недопес-недолев?

– А вы проверьте, – говорю я. – И с вами я исключительно на вы. Зигвальд, так мы возвращаемся?

– С удовольствием.

Райнхарт делает к нам шаг, но Эдер рычит и начинает на него наступать. Причем делает это настолько уверенно, что даже увеличивается в размерах. Хотя может быть, со вчерашнего дня он и правда увеличился. Растет он быстро.

– Алисия, это смешно, – раздраженно цедит Райнхарт. – У меня есть ваша магия, и…

Я не обращаю на него внимания. Точнее, старательно делаю вид, что не обращаю, беру Зигвальда под руку и мы вместе идем к лесенке, которая скрыта за поворотом. Нам в спину летят ругательства и рычание, но Эдеру ничего не грозит. Из того, что я успела прочесть в книге про маджеров, магия не способна причинить им вред – при атаке они просто растворяются, принимая на себя силу удара, и тут же возникают снова. Уничтожить маджера может только «родная» магия, его создатель (тот, чьей магией он был создан), или же другой маджер, более сильный – в бою.

– Хорошо, что вам не пришло в голову погонять его по травке. – Зигвальд сейчас точно не про Эдера говорит. – Мне бы пришло.

Стоит нам оказаться на лесенке, я отнимаю руку.

– Простите. Я не должна была этого делать.

– Чего именно? – Зигвальд продолжает веселиться.

– Всего. В том числе брать вас под руку, называть так неофициально.

– Мне нравится, когда меня называют неофициально, – он смеется, – учитывая, что с моего первого крика даже мама обращалась ко мне не иначе как «извольте вести себя прилично, ваше положение обязывает», сейчас я чувствую… некоторую легкость.

– Ваша мама так к вам обращалась?

– Да, поэтому сейчас мы почти чужие люди, но это немного другая тема. Так чем вас так разозлил мой братец?

– С чего вы взяли, что он меня разозлил?

– Я смутно представляю себе, что нужно было сделать, чтобы вы оставили его полюбоваться видами.

Лучше и не представлять. Потому что не знаю как Зигвальду, а мне – стоило представить нашу последнюю встречу в Барельвице, сначала стало жарко, потом очень холодно. Потом захотелось вернуться наверх и самой на него нарычать.

Не дождется!

Что он вообще здесь делает?!

Хотя понятно же, что. Для всех я его невеста, а теперь еще и с потенциально хорошим происхождением. Невесты с потенциально хорошим происхождением не исчезают в Гризе, это невежливо. Еще и очень скандально, а его будущему королевскому величеству такое не пристало. Нет, он должен сам меня бросить, желательно, как его отец – его мать! И только после этого я смогу катиться на все четыре стороны света.

Чтоб его Эдер покусал! За все выступающие части тела.

– Ничего, – сказала я. – Просто вашего брата я никогда не интересовала, только его магия.

– Это очень на него похоже. На вас – нет.

– Нет? – я вскинула брови.

– Просто там, наверху, вы вели себя совершенно себе несвойственно.

Мы уже преодолели десять поворотов лесенок, осталось еще столько же.

– Почему?

– Потому что вы очень солнечная, Алисия. А там от вас веяло холодом.

– Не сказать, что солнечность как-то помогла мне в жизни.

Зигвальд снова улыбнулся, но больше ничего не сказал. Жаль, потому что мне в голову немедленно полезли мысли про Райнхарта. Нет, я конечно же, знала, что просто так мое бегство никто не оставит, но я не рассчитывала встретиться с ним уже сегодня. Следующий поезд до Гриза – через день, в смысле, Райнхарт должен был приехать сегодня вечером, выйти из личного вагона и прибыть к нашему дому во всеоружии. Вот только вечером я бы тоже была во всеоружии, а сейчас не была.

Именно поэтому до сих пор не могла перестать думать о том, что с ним такое случилось, что он небритый, с темными кругами под глазами, с торчащими в разные стороны волосами и в странной одежде, к которой раньше побрезговал бы притронуться, не то что надеть, явился в Гриз, и…

– Ай!

Ступенька закончилась неожиданно, ногу обожгло болью. Зигвальд успел меня подхватить, но при попытке сделать следующий шаг лодыжку укололо снова.

– Кажется, я подвернула ногу, – пришлось признаться, опираясь о перила. На том участке, где они еще не выставили жала заноз.

– Значит, у нас два варианта. Первый – сидеть здесь и ждать, пока маджеру надоест играть с Райнхартом. Точнее, когда вы остынете, и Эдер отступит.

– А второй?

– А второй – можем сделать так.

Зигвальд легко подхватил меня на руки.

– Идет?

Идти здесь было не так долго: я могла бы посидеть и подождать, пока боль в ноге утихнет, но ждать Райнхарта мне совсем не хотелось. Поэтому я кивнула. Надо отдать Зигвальду должное, он меня нес до самой опушки, потом я все-таки сказала, что могу идти сама и пошла, стараясь опираться на его руку и по возможности щадить лодыжку, которой не повезло из-за мыслей о Райнхарте.

Стоило нам выйти к дому, как навстречу тут же выбежала мама.

– Алисия! Ты меня с ума сведешь! Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?! Ваша светлость?! Тут приезжал один сумасшедший, говорил, что он ее будущий муж, представляете?! Что вы, Зигвальд, силой ее похитили и увезли из Барельвицы от него. Я растерялась, испугалась, сказала, куда вы пошли… Что происходит?! Я не знаю, что думать!

– Как и я, – прозвучал сбоку резкий голос Райнхарта.

Мама подпрыгнула. Мы с Зигвальдом обернулись. Эдер очень осторожно вышагивал рядом с Райнхартом и нес в зубах маленького львенка.

Глава 5

Райнхарт

Думать – это первая и самая важная задача любого мужчины. Не говоря уже о герцоге и тем более об эрцгерцоге. Думать, анализировать, принимать решения. Этому я учился с детства, это я делал на протяжении всей жизни:

руководствовался рассудком, фактами, не чувствами. Но сегодня эта схема дала сбой, видимо, я не дорисовал какую-то завитушку, а может, у меня просто сдали нервы. Потому что единственное, что было в моей голове сейчас – жгучая ярость и жажда мести.

С того самого момента, когда эрина Армсвилл заявила, что у «ее дочери» уже есть жених. Если опустить момент, что Алисия не ее дочь, то эта новость привела меня сначала в замешательство, а затем в бешенство.

Что значит – у Алисии есть жених?

В смысле, он есть, и это я.

Поэтому к водопадам я поднимался с только с одним желанием – стать единственным женихом моей Алисии. Новости сняли усталость как рукой, а гнев добавлял ускорения. И что же я увидел?

Поцелуй Зига и этой изменницы!

В то время как я с большим трудом добирался сюда, мок под дождем, сражался с бандитами, наспех создавал маджера, отбил себе все, что можно и нельзя, путешествуя на лошади, она целовалась с моим братом.

Стоило это увидеть, перед глазами будто алая схема вспыхнула, а под ногами словно разверзлась пропасть. В которую я желал провалиться Зигвальду. Естественно, ради приличий моя принцесса дала по бледному братскому лицу, но это не отменяло того, что она с ним уехала, и сейчас тоже была с ним. Уходила под ручку, оставляя меня с моим же маджером. С этой неблагодарной зверюгой, которая рычала и не пускала меня к ней.

Первая схема полетела в льва, не нанося ему никаких повреждений, и только сожгла траву на холме. Вторая тоже прошла мимо, а следом за ней третья. Я знал, что маджеру моя нынешняя магия не навредит, но мне нужно было выпустить пар. Если бы еще можно было стереть из памяти поцелуй Алисии с Зигвальдом. И это после всего, что между нами было!

Влечение, притяжение, свою первую страстную ночь, которую она мне подарила. И которую я не помнил из-за проклятой магии!

На этой мысли моя ярость поутихла, а может, я окончательно выдохся на пятом огненном снаряде, что к лучшему, потому что даже не в лучшей форме, я мог разворотить холм. Поэтому призвал себя к спокойствию, заодно маджера, и попытался пройти мимо него. Не помогло, лев продолжал рычать и не пускал меня к тропинке, на которой давным давно скрылись Алисия и братец.

С маджером можно справиться только с помощью маджера. Но мой новый лев больше напоминает плюшевую игрушку, чем боевого защитника. Такой, как Эдер, разделается с крохой за секунду. Если бы, конечно, он подчинялся Зигвальду. Но он слушался исключительно Алисию, которая могла приказать ему разделаться со мной.

Не приказала. Потому что как бы она ни злилась на меня, ей это даже в голову не пришло. И маджер у нее теперь такой же. Она дала ему имя, чесала его, кормила и совсем испортила. Мой бывший маджер испортился настолько, что стал добрым шерстяным здоровяком. Вот последнее качество и не позволяло мне пройти.

Но именно испорченность Эдера могла сыграть мне на руку.

Я позвал своего нового маджера, явил львенка, который спрыгнул на траву и по-детски помотал головой. Миниатюрная львица зевнула, явно собираясь снова завалиться спать, но тут увидела Эдера. Я ожидал как минимум настороженности, а может, агрессии. Для нее он должен был быть большим и страшным. Но вместо этого любопытная львица на подгибающихся лапках потрусила к старшему маджеру. А Эдер при виде малявки… Думаю, он чувствовал себя примерно так же, как я, когда узнал, что Алисия нашла себя жениха – к такому его жизнь не готовила.

Особенно, когда маленькая львица обошла его по кругу и решила поиграть пушистой кисточкой хвоста. Эдер такого стерпеть не мог, подскочил как ужаленный, пихнул львицу большой лапой. От легкого тычка та улетела в траву, взрыкнула и игриво перевернулась на спину с явным приглашением поиграть. В этот момент я понял, что мне тоже достался бракованный маджер. Или бракованная магия, даром, что королевская.

Но, Пресветлый, это сработало!

Эдер принялся осторожно валять львицу по выжженой траве, довольно рыча, а я, не теряя времени, направился по тропинке. Правда, через пару минут лев догнал меня, на этот раз без рычания, потому что в пасти он тащил спящую львицу. В общем, был занят.

Путь до дома Алисии мы преодолели быстро, я спешил так, словно за мной гналось все гьердово племя. Чтобы получить ответы на все свои вопросы и увезти принцессу в Барельвицу. Но сначала ответы.

– Начнем с вас, эрина Армсвилл. Кто вы такая? И кто дал вам право называть Алисию своей дочерью?

Повисшая в воздухе тишина перекрыла даже пение птиц, наэлектризовалась напряжением и взорвалась криком, достойным устрашающего боевого клича. Прежде чем я успел что-то сделать, Алисия метнулась ко мне со скоростью вспышки, молнии, разрывающей грозовые тучи, и врезала кулак в мою челюсть. Да так, что моя голова дернулась.

– Кто дал вам право оскорблять мою маму? – прорычала она разъяренной львицей, потрясла запястьем и выплюнула: – Ваша светлость.

Надо было рассказать ей все по-другому, мягче, и когда мы останемся наедине. Но не такого приема я ждал.

Я вытер губы тыльной стороной ладони, стирая капельки крови:

– Она не твоя мама, Алисия.

Послышался сдавленный вздох эрины Армсвилл, но я даже не посмотрел на нее, меня загипнотизировал яростный взгляд моей принцессы. Яростный, полный обиды и… разочарования?

Последнее ударило сильнее ее кулака.

– Позволь рассказать тебе правду.

– Именно поэтому вы так торопились в Гриз, ваша светлость? Из-за вашей правды?

– Я торопился, потому что ты уехала с ним, – киваю куда-то в сторону, даже не уверен, что Зигвальд стоит справа, а не слева, просто сейчас имеет значение только она. Такая красивая, даже в гневе, и ранимая. Единственное, что мне хочется – сжать в ладонях ее руки. Обнять ее. Именно этим я жил последние дни и ночи. Встречей с ней. – Потому что с тобой могло произойти, что угодно.

– Все «что угодно» со мной случалось исключительно с участием вашей светлости.

Да она вообще может нормально разговаривать?!

– Я волновался, что тебя похитили! Что пытались навредить!

– Вы волновались обо мне? Интересно, почему?

Потому что ты ворвалась в мою жизнь, и я не могу ни о чем и ни о ком думать.

– Потому что ты моя невеста!

– Больше нет.

Слово «нет» камнем падает между нами, а новая тишина такая густая и плотная, что вдалеке можно расслышать шум водопадов.

– Что значит «нет»? – переспрашиваю я. Еще не рычу, но где-то близко.

– Между нами все кончено, ваша светлость. Я согласилась стать женой вашего брата.

Теперь перевожу взгляд на Зигвальда, поддерживающего эрину Армсвилл. Это розыгрыш такой?

– Это смешно.

Зиг приподнимает белесую бровь:

– Ничего смешного, Райн.

Я подаюсь вперед, чтобы расслышать меня могла только Алисия:

– Знаю, что ты злишься на меня. Из-за того, что не сказал про магию, и из-за случившегося после бала, но это не повод…

Ее взгляд снова вспыхивает яростно, зло, а щеки краснеют.

– К вам это никоим образом не относится, ваша светлость. Оставьте нас.

Она разворачивается, и слегка прихрамывая направляется к домику. Я догоняю ее очень быстро, собираюсь перехватить за руку и помочь, но Алисия отшатывается от меня.

– Ты его совсем не знаешь! – от гнева я перехожу на шипение.

– Мы успели узнать друг друга, пока добирались сюда.

Успели узнать? Да я его в реке утоплю!

– Больше ни слова. Ты согласилась стать моей женой.

– А затем передумала, ваша светлость. Нравится вам это или нет – я нашла себе другого герцога. Тот который попросил моей руки по-настоящему, не понарошку.

Она шагает к женщине, которую считает собственной матерью, и уводит ее в дом, а мне дорогу преграждает Зигвальд.

– Уйди, – говорю. – С тобой мы разберемся позже.

– Не выйдет, братец. Нравится тебе или нет, – он нарочно повторяет ее слова, – Алисия теперь моя невеста, и я поклялся ее защищать.

Мои пальцы заискрили от магии, от силы, которую я был готов влить в разрушающую все и вся схему. Зигвальд это почувствовал, его маджеры тоже, потому что материализовались с обеих сторон. К ним присоединился Эдер, по-прежнему держащий львенка в огромной пасти. Я был готов пробиваться с боем! Даже с помощью меча. Но в этот момент Алисия обернулась и посмотрела мне в глаза. Хотя, наверное, заглянула в самое сердце. Потому что в него будто вошла стрела, пробила его насквозь. В ее взгляде было столько боли, но больно почему-то было мне. В ее взгляде было столько чувств, что я разжал кулаки, стряхнул магию с пальцев.

Она скрылась за дверью дома, а я остался с Зигом и прочим магическим зверинцем.

– Я не собираюсь причинять ей вред, – процедил я. Нужно было вразумить хотя бы братца.

– Ты уже достаточно навредил, – холодно замечает Зигвальд. Как Алисию могла заинтересовать эта глыба льда?

– Как и ты. Какого гъерда ты увез ее из Барельвицы?

– Она попросила о помощи. Сложно отказать такой женщине.

– И когда ты решил сделать ей предложение?

– Мне давно пора жениться, глупо упускать такой шанс.

– Это какой-то фарс, – говорю больше для себя, чем для Зига. – Она моя невеста. Я объявил об этом.

– Так объяви, что передумал. Все прекрасно понимают, что ты не женишься на драматурге с юга.

Это уже не имеет значения, потому что Алисия – принцесса. Но сразу рассказать обо всем Зигвальду?

– Я должен вернуть Алисию в Барельвицу.

– Зачем?

– Это дело государственной важности и тебя не касается.

– Теперь все, что касается моей невесты, касается и меня.

– Я должен сказать ей об этом лично.

– О том, что нашел ее настоящих родителей, я полагаю?

– Об этом тоже.

Мне удалось заинтересовать Зигвальда, но я не собираюсь раскрывать свои козыри. Черчу схему-маячок и отправляю ее в маджера. Он неправильный, почти живой, а поисковая магия не боевая, поэтому маячок впитывается в гриву.

– Это чтобы снова не потерять ее. Я вернусь вечером. Когда она остынет, и мы сможем обо всем поговорить.

– Я бы на твоем месте не слишком рассчитывал на разговор.

– Посмотрим! – обещаю я. Мне тоже нужна пауза. Найти банк, снять дом или номер в гостинице, восстановить силы. Подумать над тем, что скажу.

– Это мое, – говорю Эдеру, но он все равно уносит львенка. Приходится ее развеять.

Когда маджер исчезает, лев выглядит недовольным.

Ладно, нам всем действительно нужно прийти в себя, а вечером… Вечером я расскажу принцессе правду. О том, что нашел ее отца.

Глава 6

Алисия

Мне стоило немалых усилий развернуться, увести маму за собой в дом и при этом больше ничего не сказать. Наверное, не стоило говорить даже то, что я уже сказала, но этого я отменить не могла. Я вообще ничего не могла отменить. Ни мгновения, когда я его ударила, ни собственных чувств, полоснувших в этот момент сильнее, чем могло показаться. Ни той ночи.

– Дочка… – как-то беспомощно произнесла мама, когда мы зашли в дом.

– Я сейчас.

Я отняла руку и вернулась в комнату, которую теперь делила с мамой. Мне нужно было вдохнуть и выдохнуть, иначе нашему домику грозило самовозгорание, и золотое пламя было бы видно до самого Гриза.

Так, Алисия, глубокий вдох – и такой же глубокий выдох. Можно сжать и разжать пальцы, стряхивая рождающиеся на них золотые искры, которые таяли в воздухе. Пальцы немного подрагивали. Я, кажется, тоже.

«Кто дал вам право называть Алисию своей дочерью?»

Эти слова прокручивались у меня в сознании снова и снова. Остатки моего мира рушились, не было этому конца и края.

– Р-р-ры, – изрек Эдер.

Лев выглядел недовольным. Настолько недовольным, насколько вообще могут выглядеть недовольными львы.

– Что? – переспросила я.

– Р-р-ры!

Лев мотнул головой в сторону двери. Только сейчас я поняла, что он больше не держит львенка. Львенок, наверное, тоже был созданием Райнхарта. Его новым маджером. Который довольно скоро вырастет до размеров Эдера, если Райнхарт продолжит вливать в него магию.

– Прости, – сказала я. – Но мы не дружим с создателем твоего нового друга.

– Ры.

Я вздохнула. Подошла, опустилась на корточки и запустила пальцы в роскошную, вполне себе материальную, разве что немного искрящуюся золотом гриву. Кажется, общение с Эдером вытряхнуло меня из состояния, когда самой хочется не то рычать, не то биться головой о стену.

– Спасибо тебе, – обняла льва и прижалась. – Ты не просто защитник. Ты чудо.

Чудо вздохнуло и попыталось замурчать. Получилось очень громко и совсем не как у кота.

– Мне надо поговорить с мамой, – призналась Эдеру. – Тебе, наверное, лучше при ней не рычать. Я первое время слегка пугалась.

Эдер согласно рыкнул. Потряс головой, потянулся, как огромный кот, и улегся прямо в центре комнаты, занимая ее почти всю. Я привычно отвела крыло, перешагнула через хвост и вышла в гостиную-столовую. Мама плакала, Зигвальд стоял рядом и протягивал ей стакан воды. Заметив меня, она тут же поднялась, из-за чего стакан чуть не улетел на пол. Надо отдать должное Зигвальду, реакция у него была хорошая.

– Я вас оставлю, – сказал он и вернул стакан на место. – На случай твоей магии, Алисия, я буду поблизости.

– Хорошо. Спасибо.

Я действительно была ему безгранично благодарна, и с ним мне тоже предстоял серьезный разговор. Но сначала – разговор с мамой. Что бы там ни говорил Райнхарт, что бы вообще ни произошло, она меня вырастила. Сидела рядом с моей постелью ночами, когда у меня болел живот, или когда я простывала и не могла заснуть от сильного кашля. Она водила меня на ярмарку и купаться в море. Она дала мне столько любви, именно благодаря ей я выросла такой, какая я есть. Именно поэтому она навсегда останется моей мамой, и никакое прошлое этого не изменит.

Стоило Зигвальду выйти, мама шагнула ко мне и взяла меня за руки.

– Дочка… я так виновата… – Из ее глаз снова потекли слезы, и я, не в силах этого вынести, быстро ее обняла.

– Мам, – прошептала я. – Все это ерунда. Я тебя люблю и всегда буду любить, что бы там ни случилось.

После этого мама зарыдала еще горше, а я еще крепче прижала ее к себе. Так мы и стояли, я даже не знаю, сколько. Мама плакала, а я обнимала ее и гладила по волосам. Когда слезы, наконец, иссякли, я увела маму к дивану, усадила и вручила ей стакан с водой. Глядя, как мама пьет, еще сбегала за платком и тоже протянула ей.

Опустившись на диван, вздохнула. И улыбнулась:

– Расскажешь мне все?

– Как… как ты можешь быть такой спокойной?

– Все беспокойство ушло на его светлость.

– На Зигвальда?

– На Райнхарта, – увидев, как округлились мамины глаза, я тут же добавила: – Он действительно был моим женихом. Фиктивным. Я шла по Барельвице и случайно попала под действие запретной магии. Точнее, мы с ним вместе попали. Это было покушение на него, потому что он претендент на престол. В результате

Райнхарт лишился магии, а я ее обрела, и чуть не сгорела заживо. Потом он меня спас, и…

И я поняла, что чуточку увлеклась, потому что глаза мамы стали еще круглее.

– Словом, ему нужно было, чтобы никто не знал об исчезновении у него магии. Поэтому ему приходилось быть рядом со мной, или мне рядом с ним, и ничего другого как фиктивная помолвка мы не придумали.

Хотя никакой помолвки у нас не было, если уж так говорить. Но маме об этом говорить вовсе не обязательно.

– И что же было дальше? – осторожно спросила она.

– Дальше было покушение на королеву, у Райнхарта проснулась уже его магия, точнее, не его, а моя, которой, как выяснилось, мы обменялись. Поэтому я решила поехать в Гриз, чтобы ты рассказала, откуда у меня вообще взялась магия, и Зигвальд вызвался меня сопровождать. Это все.

«Это все» я сказала поспешнее, чем собиралась. Ну правда же, маме совсем необязательно было знать, что там скрывалось за «это все».

К счастью, она не стала выяснять детали. Просто глубоко вздохнула и внимательно посмотрела на меня.

– Когда ты только родилась, Алисия, тебя запечатали.

Я моргнула. Это не укладывалось у меня в голове.

– Новорожденного ребенка? Зачем?!

Это же не просто опасно, у младенца магия еще в зачаточном состоянии и велика вероятность, что печать не просто закроет магический потенциал, но и убьет ребенка. Действие печати изучали даже в школе для девочек – она работает не просто как преграда магии, она впитывает ее, и если впитывать нечего…

– Только так твоя мать… – мама осеклась, но потом продолжила: – Твоя настоящая мать могла спасти тебе жизнь.

Пресветлый!

– Как можно спасти жизнь, запирая магию младенца?

– Только заперев магию, она могла сбросить с тебя поисковое заклинание.

– Я ничего не понимаю, – покачала головой. – Кто меня искал? Почему?!

Мама вздохнула. Перевела взгляд на вышедшего к нам Эдера – видимо, маджер снова уловил мое беспокойство. Расправила складки на платье и негромко произнесла:

– Твоя мама была арэнэ его величества.

Моя. Мама. Что?!

Кажется, я поторопилась с мыслью, что прошлое, какое бы оно ни было, должно оставаться в прошлом. Потому что сейчас, несмотря на все магические перипетии, которые со мной случались, готова была начать разговаривать на повышенных тонах. И да, магию и горящий дом, который видно из Гриза, тоже никто не отменял, поэтому я взяла опустевший стакан из маминых рук и пошла за водичкой. Идти было недалеко: до стола. Графин стоял там же, я налила и залпом выпила пару стаканов, один за другим. Заходила на третий, когда мама поднялась и подошла ко мне.

– Алисия, понимаю, это не так просто принять…

– Не так просто? – я обернулась. – Не так просто принять, что я…

Я вообще кто? «Дочь его величества, вот ты кто», – услужливо подсказало сознание. Иначе зачем прятать ребенка, за которым еще и гоняются неизвестные, и отправлять в южную провинцию под другим именем. Вероятно, под другим именем.

– Армсвилл, – сказала я, – это ведь выдуманная фамилия. Правда? Ты не была замужем. Никогда.

Мама покачала головой.

Мне захотелось кинуть стакан в стену. Особенно когда я поняла, почему Райнхарт так быстро примчался за мной в Гриз. Нет, стакан лучше кинуть в Райнхарта, так я и сделаю, если он еще раз появится на моем пути. Конечно, простая цветочница из Гриза или даже бастард аристократа его вряд ли бы устроили, а вот бастард его величества, если все правильно обыграть – почему бы и нет.

Я все-таки выпила третий стакан воды. Выпила бы и четвертый, но в графине осталось на донышке пара капель, а идти за новой мне не хотелось.

Королевская магия.

Так, кажется, кто-то сказал во время покушения на ее величество. Да, именно так. Теперь понятно, какая магия у Райнхарта, моя магия, и почему она настолько сильная.

Я глубоко вздохнула.

Невероятно! Мне такое рассказывают, а все, что я могу – думать о Райнхарте. Как будто мне больше думать не о ком!

– Что случилось? – когда я заговорила, собственный голос показался чужим. – Почему именно меня хотели спрятать? Кто преследовал мою мать?

– Мне об этом не рассказали. Я познакомилась с ней, когда была камеристкой графини Тимрэ. Мы почти не общались, до того дня, как она пригласила меня к себе… Точнее, меня пригласила графиня, она была ее подругой, и…

– Хватит.

Нет, это выше моих сил. Я просто не хочу больше ничего знать.

– Мам, мне надо побыть одной.

– Алисия, это…

– Мне надо побыть одной, – повторила я. Подхватила юбки и направилась к дверям, через которые в последнее время бегала туда-сюда, как заведенная.

Побыть одной получилось сомнительно: на крыльце обнаружился Зигвальд. Стоял, вперив взгляд в местные растянувшиеся по югу пейзажи, и, видимо, наслаждался природой и зарождающимся цветением. Я почти прошла мимо, но он перехватил меня за руку.

– Алисия. Постой.

– Ты что-то слышал?

Зигвальд нахмурился.

– Нет. Я надеялся, что ты мне сама все расскажешь.

Надеялся он, как же! Точно так же, как его бессердечный брат!

– Значит, вы хотите сказать, – от волнения я снова перешла на официальный тон, – что вы ничего не знали, и просто так, по доброте душевной решили сопроводить цветочницу из Гриза до дома? Как это великодушно с вашей стороны!

Зигвальд нахмурился еще сильнее. Посреди раскрывающей первые лепестки южной весны он со своей снежной внешностью смотрелся просто неуместно. Точно так же неуместно было думать, что кого-то из этих аристократов заинтересует простая Алисия Армсвилл. Хотя и не Армсвилл даже, вообще непонятно кто. Я резко отняла руку, слетела по ступенькам и зашагала по дорожке куда глаза глядят.

Глядели они хорошо, пока что даже слезы не мешали. А впрочем, слез не было даже во мне, я напоминала себе пересохший колодец, в котором в последней лужице булькается одинокая рыбка надежды. Надежды на что?

– Алисия, я решительно ничего не знаю о вас, – Зигвальд догнал меня и пошел рядом.

– Ну да, разумеется.

– Почему вы мне не верите?

– А почему должна верить?! – Я резко остановилась. – Что вы такого сделали, чтобы я вам верила?

Его глаза сверкнули и потемнели. Зато теперь буду знать, как выглядят рубины на черном бархате.

– Как минимум помог вам сбежать от моего брата.

– Отлично. И почему вы это сделали?

– Потому что вы были в отчаянии. – Зигвальд не повысил голос, но вокруг нас ощутимо похолодало. – Сейчас вы тоже в отчаянии, но это не значит, что стоит меня оскорблять и вести себя так, как будто все вокруг в этом виноваты.

Я открыла рот и закрыла. Я вообще никак не хочу себя вести. Хочу, чтобы все от меня отстали.

– Мой папа король, – сказала я и зашагала дальше, оставив Зигвальда приходить в себя.

Кажется, ему это было нужно, потому что, когда я на него смотрела, выражение жесткости с его лица ушло, уступив место безграничному изумлению.

Он снова меня догнал. Перехватил за локоть. Развернул лицом к себе.

– Алисия!

– Что? – устало поинтересовалась я. Нет, это определенно ненормально, еще даже не полдень, а у меня ощущение, что прошел насыщенный такой день. И

убить меня хотели тоже понятно почему. Стоило вспомнить про яд, как желудок подтянулся к горлу и завязался в узел.

Похоже, кто-то, кто преследовал мою мать и меня, не оставил попыток даже сейчас. Но как… Я глубоко вздохнула. Я ведь даже не спросила, жива ли та, что дала мне жизнь.

Да, Алисия, это дно, а снизу уже стучат слуги Претемного.

– Тебе сейчас не стоит оставаться одной. – Зигвальд провел ладонью по воздуху, намекая на магию. – Я ничего не знал о тебе. Клянусь. Райнхарт мне вообще ничего не рассказывал, я даже про ваш обмен под алой схемой узнал от тебя. Да, я догадывался, что ты необычная девушка…

Я усмехнулась, а он продолжил:

– Но исключительно потому, что для меня ты действительно была необычной. В моем мире слишком много лицемерия и наносного, фальши. Так было с самого детства, но ты никогда не притворялась. Всегда говорила правду и поступала так, как подсказывало тебе сердце. Именно это меня в тебе привлекло. Если ты мне не веришь…

Зигвальд развел руками.

– Я ничего не смогу сделать, чтобы доказать обратное. Но мне незачем тебе лгать. Меня привлекаешь именно ты.

– Сейчас я скажу то, после чего не буду больше вас привлекать.

Он прищурился, а я посмотрела ему в глаза:

– Я была близка с вашим братом.

Его глаза потемнели, а после сверкнули так, что стало больно даже солнцу. Я пожала плечами и пошла дальше. Зная, что он больше за мной не пойдет.

Так и случилось.

Я шла, пока лодыжка не напомнила о себе, прострелив болью. Явно намекая на то, что я зашла слишком далеко. Может быть, так оно и было – уже не было видно нашего домика, да что там, даже поворот к нему виднелся смутно. Впереди тоже расстилался лес с одной стороны и поле с другой. Если не оборачиваться и не смотреть на горы, пики которых вонзались в небо, то можно подумать, что ты и не на юге вовсе.

Солнце припекало вовсю. Настолько хорошо припекало, что я пожалела, что не взяла шляпку. Или веер. Или…

Мамочки!

Когда я поняла, что дело не в солнце, было уже поздно. Справа раскаляющимся золотом сиял Эдер, а искры сыпались с моих пальцев, как брызги Синуанского водопада.

Я слишком хорошо помню эти ощущения – так же, как нарастающий в груди и во всем теле жар. Когда кожа, кажется, начинает плавиться, но это не идет ни в какое сравнение с тем, что со мной творилось в Барельвице. В мою последнюю ночь в Барельвице.

Эта мысль заставляет вспыхнуть еще сильнее, а следом за этой вспышкой приходит злость. Во мне была королевская магия. Запечатанная, но королевская! И что, я теперь не смогу справиться с какой-то там эрцгерцогской?!

Судорожный вздох дается не сразу, но, когда в грудь врывается воздух, я расправляю дрожащие пальцы. Искры с них сыпаться не перестают, но они начинают вести себя как-то более упорядоченно, собираются в струйки. Эдер заинтересованно смотрит на то, что я творю, и я его понимаю: струйки безо всяких сил сплетаются в ленты, ленты вьются в воздухе, как на ветру.

Я не представляю, как работает магия, я о ней слишком мало знаю. Да что там, я читала исключительно про маджеров, про то, что они – концентрация магической силы…

Маджер!

– Эдер, – говорю я. – Кушать хочешь? Это, конечно, не рогалики, которые подают у твоего создателя, но тоже вполне сойдет.

Сойдет же?

Эдер рычит и расправляет крылья.

– Давай, львенок, помоги мне. Потом я научусь и буду справляться сама, а сейчас мне нужна твоя помощь.

Эдер меня понимает. Не знаю как, но он меня понимает, потому что отталкивается, взлетает и вливается в потоки срывающейся с моих пальцев силы, неупорядоченной из-за отсутствия схем, но от этого еще более мощной. Ленты окутывают его, вплетаются в шерсть, в гриву, и лев начинает расти на моих глазах. Я еще никогда не видела, чтобы кто-то так быстро рос!

– Р-р-р-р-р-р!

Этот рык разносится надо мной, над полем, улетает куда-то в сторону леса, а у меня по спине бегут толпы мурашек. Несмотря на то, что я понимаю, что моя магия ему вреда не причинит, что Эдер никому не причинит вреда, видеть, как на твоих глазах раздувает магического льва – то еще зрелище.

– Р-Р-Р-Р-Р-Р!!!!

От взмаха мощных крыльев меня окатывает потоками воздуха, волосы улетают за спину. Лев опускается рядом со мной, весьма грациозно для такой махины – на все четыре лапы, а с моих пальцев срываются две последние искорки. Я затаптываю магический костерок под ногами и вытираю со лба пот.

У меня получилось.

Нет, не так!

У меня получилось справиться с магией! Самой!

– Эдер! – Я бросаюсь ко льву, напрыгиваю на него и порывисто обнимаю. Не ожидавший такого лев слегка пятится, из-за чего я падаю на траву, которая только-только пробилась, но тут же резко разворачиваюсь. Эдер смотрит на меня огромными глазами, а после прыгает. Я зажмуриваюсь, но меня мягонько прижимает к земле теплым искрящимся львом.

– Ры!

– Кошка, – смеюсь я, запуская пальцы в роскошную, королевскую гриву. – Как есть кошка!

На такое Эдер обижается, отскакивает и делает вид, что готовится снова напасть. Я догадываюсь, что случись ему меня защищать, он бы действовал молниеносно, но сейчас позволяет подняться. В итоге мы вдвоем бегаем полукругами – я в одну сторону, он за мной, я в другую – он за мной. Потом мне надоедает, я разворачиваюсь и бросаюсь по прямой, Эдер догоняет в два прыжка. От легкого удара я снова лечу в траву, но повернуться не успеваю: игривое урчание переходит в настоящий предупреждающий рык.

Я быстренько сажусь.

– Тьфу! – Не так-то это легко, выплюнуть сразу волосы и сухие травинки, но мне это удается. Откидываю с лица упавшие на него пряди и вижу выстроившуюся на дороге процессию, все участники которой смотрят на меня. Один из них, очевидно, главный – негромко кашлянул и выступил вперед.

– Ваше высочество, мы приехали за вами. У нас приказ доставить вас в Барельвицу.

Глава 7

Райнхарт

Учитывая, что от Барельвицы и до самого Гриза меня преследовали неудачи – особенно в Гризе, и особенно с Алисией – я уже был готов ко всему. Но то ли Пресветлому надоело надо мной смеяться, то ли после разговора с принцессой мне стало на все начхать, на этом неудачи взяли перерыв.

В банке мне хватило нескольких минут, чтобы снять со своего счета необходимую сумму. Меня встречал сам директор банка, и все разрешилась в самые краткие сроки. Он же посоветовал гостиницу в центре, по приезду в которую меня ждал королевский люкс на весь этаж. Из одних окон открывался чудесный вид на город и горы вдали, из других – расстилалось бирюзой море. Еще тут была плетеная мебель из редкой породы дерева, натуральный камень и самый удобный в мире матрас.

Мне было совершенно не до моря, меня интересовал исключительно матрас. Я наспех принял ванну, доплелся до постели и рухнул лицом в подушку. Уснул я, кажется, мгновенно, а вот проснулся от тонкого, но вроде как грозного рычания. Так мог бы рычать игрушечный лев, созданный схемой воплощения. В какой-то момент по мне даже протоптались, а затем стащили одеяло.

Последнего я стерпеть не смог, попытался раскрыть глаза, но тело меня не сразу послушалось, а когда послушалось, и я все-таки приподнялся на локтях, то первым увидел собственного маджера, который стоял на постели и угрожающе рычал на сидящего в кресле Зигвальда. Сама ледяная невозмутимость, только в алых глазах горят сдерживаемая ярость и магия, а набалдашник трости рискует превратиться в труху в его ладони.

– Твой маджер работает вместо схемы-будильника?

Я покосился на львицу, которая продолжала рычать, и мысленно приказал ей перестать. Она тут же плюхнулась на попу, посмотрела так обиженно, что меня кольнула совесть. Но сейчас было не до них: ни до маджера, ни до совести.

– Какого гъерда ты здесь делаешь? – поинтересовался я.

– Пришел поговорить, а ты так удачно не поставил защиту.

Потому что забыл. Потому что привык в вопросах безопасности полагаться на маджера. Моя львица не подвела, по крайней мере, разбудила меня, но что она

могла противопоставить маджерам Зига? Только насмешить их до смерти.

Мне показалось, или львица надулась еще больше?

– Как ты узнал, где я?

Схему-маячок я бы сразу заметил и снял.

– Просто воспользовался мозгами, Райн. Логикой. Ты же у нас эрцгерцог и привык ко всему лучшему. Это лучший отель в городе, и лучший номер в лучшем отеле города. Сообразить, где ты, было несложно, а проверить – еще легче. Дальше я скрыл себя за схемой невидимости и оказался здесь. Ты же в курсе, что я мог задушить тебя во сне?

От последней фразы я окончательно и бесповоротно проснулся, осторожно сел и свесил ноги с кровати.

– А ты хотел меня задушить?

Красные глаза сводного братца сверкнули ярче.

– Ты даже не представляешь, насколько сильно я этого по-прежнему хочу.

– Ты свой шанс упустил.

Поднимаюсь, и Зигвальд поднимается следом – одним текучим движением. Мы встаем напротив друг друга, как два хищника. Как два льва. А в следующий миг с пальцев братца срывается магия, и он начинает чертить схему. Моя сила откликается тоже мгновенно, я чувствую, как она восстановилась, и даже быстрее, чем я думал. Поэтому воздушные потоки атак схлестываются под потолком. Меня задевает отдачей от столкнувшейся стихии, но и Зига тоже.

– Чему же я обязан такому дружественному визиту?

– Я здесь из-за Алисии.

– Она дала тебе отставку? – хмыкаю я.

– Мечтай!

– Тогда что?

– Она рассказала мне, как ты с ней поступил!

Его следующая водная схема шипит, столкнувшись с моей огненной, уходит в сторону и фонтаном выплескивается на ковер. Пылающий смерч улетает в кресло, но успевает задеть Зигвальда. Он шипит, прижимая ладонь к плечу. Его чудовища появляются мгновенно, скалят уродливые морды. И я делаю то, что должен был сделать еще по пути в Гриз: разворачиваюсь к притаившемуся на кровати львенку и большим потоком вливаю в него магию.

Правда, открываюсь, чем тут же пользуется Зигвальд. Меня сбивает с ног новой магической атакой, сносит в сторону, но подросшая и яростная львица перепрыгивает меня и с воздуха пикирует на уродцев. Она все еще мала, но крылья у моего маджера сильные, а напор яростный.

Под защитой маджера я чувствую себя увереннее, вскакиваю на ноги и отправляю в Зигвальда поток огня, который он с трудом успевает отбить.

– И как же? – выдыхаю гневно.

– Ты обесчестил ее. Принудил.

В память врезается тот вечер, когда я едва не сгорел в пламени королевской магии, но Алисия меня спасла. И это мне стоит пропущенной атаки: на груди расплывается уродливый ожог. Я охаю, но посылаю магию схемы тлена в ответ. Она приходится на трость Зигвальда и разъедает ее в мгновение ока.

– Все было не так! Она сделала это сама.

– Принудила тебя? – издевательски интересуется Зиг.

– Пошла на это. – Удар огненной плетью. – Неважно. – Водоворот. – Я собираюсь. – Тлен. – На ней. – Ураган. – Жениться.

– Потому что она принцесса?

– Откуда…

– Я знаю? От нее самой. Очевидно, мать рассказала.

– Она ей не мать.

– Она ее вырастила и воспитала. Конечно, она ее мать, Райн.

– Эри Лимор похитила Алисию.

– Или пыталась спрятать.

Я быстро теряю счет созданным схемам, и спустя несколько минут просто выдыхаюсь. Рядом практически рвут на части друг друга маджеры, но у моей девочки, несмотря на численное превосходство, есть все шансы на победу. В отличие от уродцев Зига, она бесстрашная и подпитывается королевской магией.

Правда, совсем скоро ей становится практически нечем подпитываться: я не могу создать и простой ветерок. Хорошая новость в том, что сводный брат – тоже. Маджеры растворяются в воздухе, скорпион с занесенным хвостом, другой монстр в прыжке, моя львица тает вместе с грозным рычанием. Мы с Зигом переглядываемся и сходимся врукопашную.

– Я был заинтересован в ней с первой нашей встречи, – последнее слова приходится на удар. Я целюсь в челюсть братца, но он успевает поставить блок.

Сухая фраза не передает и сотую долю чувств, которые я испытываю рядом с Алисией. Она вообще ничего не передает. Ни боль в груди, ни жар во всем теле, ни беспокойства за ее жизнь. Ни ярости, ни страсти, ни нежности.

– Заинтересован – не равно хотеть жениться.

Во мне вспыхивает гнев посильнее магии, я пропускаю удар Зигвальда в ребра, охаю и делаю шаг назад.

– Какая разница?

– Потому что сейчас она желанная невеста.

– Она моя! – рычу я, нанося удары один за другим. Потому что… Потому что… Да я и сам не могу толком себе объяснить – почему. Знаю, что женой Зигвальда или еще чьей-то она станет только через мой труп!

Мы почти одновременно падаем на пол – обессиленные и уставшие. Я лежу на ковре и смотрю на дыру в потолке и на то, что осталось от штор. Что ж, мы умудрились разнести королевский люкс. Хорошо хоть здание не разрушили.

– Если хочешь меня убить, сейчас самый раз, – предупреждаю я, заплетающимся языком. Пить хочется нестерпимо, а еще снова спать.

– Если бы я мог, то уже сделал бы это, – у Зигвальда тоже надтреснутый голос. – Алисия действительно дочь Гориана?

– Да. Единственный ребенок.

– Это все объясняет. Королевскую схему. Ее силу. Влияние на маджера… Значит, она наследница престола Леграссии.

– Ты просто гений-сыщик!

Зигвальд никак не реагирует на мой сарказм.

– Ты поэтому хочешь на ней жениться?

– Нет, – говорю и понимаю, что ни разу не покривил душой. – Я хочу жениться на Алисии, потому что она не выходит у меня из головы. Не помню, чтобы я вообще настолько был увлечен одной женщиной.

Может, дело в обмене магией, может, это просто судьба, ведь мы не должны были встретиться. В тот день моя сила растворилась бы в небытие, а затем меня бы убили. Но появилась она, бросилась защищать ребенка, и наши магии схлестнулись, сплелись. Уже тогда нужно было догадаться, что она не обычная цветочница из Гриза! В тот момент. Но я предпочел слушать не интуицию, а разум, который подсказывал, что принцесс не теряют. Особенно кронпринцесс с очень сильной магией.

– Потому что ты не встречал таких женщин, как Алисия, – влезает в мои размышления Зигвальд.

До этого рассматривающий потолок, я кошусь на брата. От его аристократического лоска не осталось и следа: кажется, я разбил ему нос, потому что на переносице у него огромный синяк.

– Правда. Она необыкновенная.

– Тогда почему ты ее оттолкнул?

– Потому что идиот. Я посчитал, что она никуда от меня не денется.

– Самоуверенный идиот.

– Перебор, Зиг!

– Ты со мной не согласен?

– Я, может, с тобой и согласен, но не согласен выслушивать от тебя оскорбления. – Это должно звучать, как минимум зловеще, но звучит устало и без огонька. В конце концов, мне надоело с ним спорить.

Зигвальд это понимает и пытается уйти. Ключевое слово здесь «пытается», потому что сил у него сейчас не больше, чем у моей львицы в момент ее создания. Он разве что не спит на ходу. Тем не менее у Зига получается ухватиться за уцелевший стул и с помощью него подняться.

– После того, что между вами произошло, тебя, братец, она теперь недолюбливает. Даже из столицы из-за тебя убежала.

Несмотря на слова Зигвальда, в груди вспыхивает искра.

– Если она убежала из-за меня, значит, ко мне неравнодушна. Это обнадеживает.

Настолько обнадеживает, что я поднимаюсь следом. У меня, как у моего маджера, будто вырастают за спиной крылья. Я должен был понять это сразу, когда она мне врезала, но очевидно, нужно было поспать и получить добавки от Зигвальда, в чем я никогда ему не признаюсь.

– Возвращайся к ней. К Алисии. Ты же остановился в доме эри Лимор?

– Да, но если думаешь, что я стану тебе помогать с извинениями, Райн, ты ошибаешься.

– Уверен, не станешь. Тут каждый сам по себе. Но ты готов защищать ее. Алисия не контролирует мою магию, поэтому лучше за ней присматривать и не оставлять одну надолго.

– Это так, – Зиг изгибает губы в кривой усмешке. – Я сделаю все, чтобы Алисия забыла тебя и выбрала меня.

Я хмурюсь, понимая, что наше временное перемирие с братом окончено.

– Она влюблена в меня.

– На это я бы не рассчитывал. К тому же, я не причинял ей боли, а ты теперь в доме Армсвиллов незваный гость.

За эту боль я готов расплатиться сполна.

– Я изменю это, – обещаю ему и себе. – Алисии нужно вернуться в Барельвицу, и я сделаю все, чтобы убедить ее отправиться со мной.

– Честная борьба за сердце леви, – хмыкает Зигвальд, и его глаза вспыхивают алым. – Это тебе не схемы создавать, Райн.

– Знаю. Но не в моих правилах сдаваться.

– Как и в моих.

Отныне мы соперники за руку и внимание Алисии.

Мы прощаемся, даже не разворотив все этажи гостиницы, что лично для меня хороший знак. Сон тоже уходит, и я предпочитаю привести себя в порядок, вызываю слугу, чтобы тот меня побрил. Заодно улаживаю инцидент с номером с хозяином гостиницы. Заказываю одежду. И спустя какое-то время снова выгляжу как эрцгерцог Барельвийский, а не как бандит с большой дороги.

Нанимаю экипаж и, пока добираюсь до дома Армсвиллов, чувствую, что магия понемногу восстанавливается. Это мне на руку, потому что к чему точно неравнодушна ее высочество, так это к маджерам. Поэтому я собираюсь материализовать львицу. Сердце Алисии должно как минимум дрогнуть при виде дружбы Эдера с… Пусть сама придумает ей имя!

Мой план идеален, но экипаж останавливают гвардейцы. Все маги, и их слишком много на одну проселочную дорогу.

– Дальше нельзя, – говорит один из них, а я подаюсь вперед:

– Это еще почему? Мне нужно к дому эрины Армсвилл.

Офицер подбирается и отдает честь:

– Ваша светлость, это дело государственной важности. Мне приказано никого не пропускать. Даже вас.

Где тогда Зигвальд? Но не это самое важное.

– Чей приказ?

– Ее величества.

Вопрос риторический, потому что если и есть в Леграссии чье-то слово, имеющее вес больше моего, то это слово Дорианы. Еще короля, но я вообще не уверен, что Гориан в курсе происходящего: в последнее время его здоровье и самочувствие все хуже и хуже. Значит, королева взяла Алисию под крыло. Хитрая ведьма!

Себ мог подождать и не докладывать ей обо всем! Хотя на самом деле вряд ли, потому что после покушения на свою жизнь Дориана наверняка пожелала узнать все подробности.

Окажись я в Гризе раньше, у меня была бы фора, а сейчас все снова шло не по плану. Тем не менее мое желание рвать и метать испарилось еще в гостинице, вместе с последним ударом для Зигвальда. Поэтому я лишь смерил гвардейца долгим взглядом и сказал:

– Даже ее величество не может запретить ее высочеству видеться со своим будущим супругом. То есть, со мной.

Я ждал, что меня пропустят, но не того, что гвардейцы от удивления пооткрывают рты.

– Что-то не так? – уточнил я.

– Дело в том, что мы уже пропустили будущего супруга ее величества.

Сделали что?! Видимо, взгляд у меня стал совсем устрашающий, если он тут же поторопился объяснить:

– Его светлость Фрома.

Зигвальд.

– И вы пропустили моего брата, просто поверив ему на слово?

Теперь лица всех трех гвардейцев стали похожими на мордочку моего нового маджера утром: оскорбленные до глубины души.

– Конечно, нет, ваша светлость. Мы донесли до ведома ее высочества, что его светлость желает с ней встретиться, и она велела его пропустить. Для вас мы можем сделать то же.

Премного благодарен! Что я там говорил про рвать и метать? Мало я наподдал Зигвальду.

Мне прекрасно известно, что обо мне думает ее высочество, и куда велит мне отправляться – до сих пор чешется подбородок от соприкосновения с ручкой принцессы. Но как бы Алисия ни была на меня зла, нам нужно поговорить.

Я медленно, с неотвратимостью наступающего льва, выхожу из экипажа и шагаю к часовым.

– Как ваше имя, офицер? – спрашиваю спокойно, но гвардеец вытягивается по струнке, и его напарники тоже.

– Николас Полок, ваша светлость.

– Полок, надеюсь вы прекрасно осознаете, с кем сейчас разговариваете. Я эрцгерцог Барельвийский, и я даже не знаю, зачем трачу на вас свое драгоценное время. Пропустите меня или позовите вашего командующего. Но учтите, что если я пробуду здесь еще пять минут, можете забыть о военной карьере. Леграссийской армии не нужны невыполняющие приказы и не уважающие высшие чины маги.

Очевидно, прикинув, сколько придется бежать до домика и обратно, сообщать начальнику и убеждать его, офицер понимает, что за пять минут ему никак не управиться. А я вполне способен отправить его в отставку одним приказом: и как будущий король Леграссии, и как эрцгерцог Барельвийский.

– Время пошло, – добавляю я, и моим тоном вполне можно заморозить небольшой водопад.

– Прошу прощения, ваша светлость, – оживает побледневший маг. – Конечно, вы можете проехать. Мы здесь ради безопасности ее высочества.

– Никто так не заинтересован в безопасности ее высочества, как я.

Возвращаюсь в карету и велю кучеру следовать дальше. До дома рукой подать, и очень скоро экипаж останавливается напротив крыльца. И на этот раз я вижу знакомые лица: дверь распахивается и на пороге появляется Годар Ликровец. Высокий блондин с блеклыми, как у рыбины, глазами. Искусный маг, молодой подающий надежды сотрудник ведомства Тайной канцелярии.

Мы с ним мало общались и делить нам, в общем-то, было нечего. До этого дня.

– Добрый день, ваша светлость. Ее высочество сегодня не принимает.

Ликровец оказывается умнее своих подчиненных, чтобы лезть на рожон, но не настолько, чтобы сразу понять, что без разговора с Алисией я отсюда не уйду.

– Меня примет, – отрезаю я. – Сообщите обо мне, а я подожду ее в саду.

Сегодня я удивительный, удивляю всех и даже себя. Но я не собираюсь прорываться в дом эри Лимор с боем. В этом случае нормального разговора с Алисией, как и в прошлый раз, не получится.

Я обхожу дом, оказываясь в небольшом садике, по совместительству огороде. Солнце медленно катится к горизонту и подсвечивает без того красную крышу и дверь второго входа. Я жду ровно минуту, а затем материализую львицу. Прилично подросшая, она рычит, косится на дом, потом на меня. Снова на дом.

– Да, – сказал я. – Там твой друг. Позовешь его поиграть?

Львица бьет хвостом, разворачивается к дому и зовет. Это не то мурлыканье, не то рычание, но получается достаточно громко. А я знаю, что его услышит тот, кто надо.

Эдер.

Несмотря на то, что мы с Алисией поменялись магией, Эдер по-прежнему мое создание. Чтобы воплотить его, я использовал собственную кровь. Поэтому его так тянет к львице. По крайней мере, должно тянуть.

Если не сработает это, то придется придумать что-то еще.

Я обрываю себя на полумысли, потому что в саду появляется золотистый крылатый лев. Львица радостно подпрыгивает, дергает ушами, Эдер тоже порыкивает.

– Привет, приятель, – говорю я. – Позовешь свою хозяйку?

Глава 8

Алисия

– Спасибо, что назвала меня своим женихом, – сказал Зигвальд, стоило нам остаться наедине.

Вообще-то ее высочеству не полагалось оставаться наедине с мужчинами, но я смутно представляла себя высочеством. Тем более что от моей репутации, как мне кажется, уже должны были остаться одни лохмотья. Во-первых, я жила в Эдельз Грин. Во-вторых, я была невестой старшего его светлости, а потом назвалась невестой младшего. Сомневаюсь, что Барельвица выдержит такое высочество, но по словам мужчины, назвавшимся главным среди тех, кто за мной явился, королева твердо вознамерилась представить меня ко двору.

Поэтому за мной явились гвардейцы-маги, которые превратили скромный маленький домик в самое охраняемое место во всем Гризе. Но это сейчас меня волновало меньше всего. Гораздо больше меня беспокоило мое новое высочайшее положение. И этот мужчина, который был у них главным.

Он вел себя так, словно мы никогда не встречались, но мы встречались. Похвастаться идеальной памятью я не могла, разумеется, но его запомнила.

Когда я ждала магобус, именно он предложил меня проводить непонятно куда. Точнее, предлагал он меня проводить на нужную мне остановку, но почему-то доверия не внушил. Сейчас не внушал тоже.

Особенно после того, как ничем не выдал нашей первой встречи.

Но я-то ее помнила!

– Алисия? – переспросил Зигвальд.

– Простите. На меня слишком много всего навалилось, поэтому я часто ухожу в собственные мысли.

Он улыбнулся:

– Простите? Мы снова общаемся официально?

– Не уверена, что ее высочеству положено общаться неофициально, – пытаюсь отшутиться я. Только сейчас замечаю, что у него на скуле ссадина и весь его костюм выглядит… несколько не так, как выглядел, когда он уходил.

Например, подпалин и лохмотьев на нем не было. А еще при Зигвальде всегда была его трость.

– Что с вами случилось?! – ахаю я.

– Думал, уже не спросите. Ураган Райнхарт.

– Что?!

– Я немного побеседовал со своим братом. Справедливости ради, с ним случился ураган Зигвальд, но он наверняка приведет себя в порядок, а потом появится здесь. Так что готовьтесь.

Я вздохнула.

Моя жизнь долгое время была сконцентрирована на моем маленьком уютном мире в стенах этого домика. На моих пьесах. На мечтах о том, что будет, когда Мориц Ларр (со временем, разумеется) сделает по ним постановку. В нем не было никаких эрцгерцогов (только в пьесах) и никаких высочеств и величеств (тоже только в пьесах). Поэтому сейчас я просто вздыхала и смотрела на дверь, за которой скрылась мама.

– Алисия, вам нехорошо? – обеспокоенно произнес Зигвальд, когда я вздохнула в очередной раз.

Судя по тому, что Эдер начал ходить из угла в угол по диагонали (при этом задевая меня и Зигвальда крыльями) – не очень.

– Нет. Я просто думаю о том, что мне делать дальше.

– Насколько я понял, вы очень грамотно всех построили.

Насчет грамотно – не уверена, но, когда на меня свалился этот гвардейский взвод с приказом ее величества срочно ехать в Барельвицу, у меня сдали нервы.

Я поднялась.

Вытряхнула из волос оставшиеся травинки и заявила, что срочно никуда не поеду – потому что мне нужно нормально собраться. Это первое. Вторым условием я выдвинула то, что моя мама обязательно поедет со мной и вместе со мной будет представлена ко двору (из-за чего мама сейчас пребывала в небольшом смятении), и третьим – что мне предоставят все средства, чтобы расследовать случившееся с моей настоящей матерью в прошлом.

Сама не ожидала, что умею так разговаривать, а Эдер, видимо, решил меня поддержать, потому что порыкивал в такт моим словам.

Слегка опешившая от такого напора делегация предложила мне пройти к главному (им оказался не тот, кто сообщил мне новость, а тот, который вел себя очень странно, как будто мы раньше не виделись). Мужчина сначала сделал вид, что я мебель, то есть сообщил ледяным тоном (ледяным и бесцветным, таким же, как его глаза):

– Приказы ее величества не обсуждаются и условиями не дополняются.

– Зато пожелания ее высочества учитываются, – с милой улыбкой ответила я. – Если не хотите везти меня силой, изложите мои требования ее величеству. После ответа продолжим наш разговор.

На этом я развернулась и ушла, уводя маму за собой в нашу временно общую комнату. Мы не успели даже толком поговорить: судя по всему, Бесцветный связался срочной почтовой магсхемой с ее величеством, после чего сообщил мне, что мои условия принимаются. Разве что третье я буду лично обсуждать с Дорианой уже на месте.

Казалось, он вовсе не замечает моих пристальных взглядов, а если и замечал, вида не показывал. Что касается меня, я начинала чувствовать себя очень и очень странно.

– Зигвальд, – шепотом сказала я.

– Что? – так же шепотом спросил он.

Вместо ответа я кивнула на дверь, подошла и осторожно приоткрыла щелочку. Бесцветный никуда не делся, он был в гостиной, в нашем доме, но избегал прикасаться к чему-либо или куда-либо садиться, как будто все здесь было заразное или очень грязное. У него с лица вообще не сходило выражение некоторой брезгливости и надменности.

– Вы его знаете? – Я ткнула пальцем в соляной столб, то есть в главного посланника ее величества.

– Нет. А должен?

Я так же тихонько прикрыла дверь.

– Дело в том, что…

В чем дело, я не успела объяснить, потому что Эдер взрыкнул и исчез. Натурально растворился посреди комнаты!

Я поморгала.

– Это нормальное поведение львов?

– Что есть норма, – философски изрек Зигвальд. Под моим взглядом стал серьезным и добавил: – Серьезно, Алисия. Я не знаю. Этот маджер с самого начала не был нормальным. То есть с того момента, как за него взялись вы, разумеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/marina-eldenbert/korolevskaya-magiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить